

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

ВАЛЕРИЙ ЖЕЛНОВ
РЕАКТОР

FUTURE CORP.

Метро

Валерий Желнов

Метро 2033. Реактор

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Желнов В. Д.

Метро 2033. Реактор / В. Д. Желнов — «Издательство АСТ»,
2018 — (Метро)

ISBN 978-5-17-114474-6

«Метро 2033» – Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают Вселенную «Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности на Земле, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Тихий городок Томск, расположенный посреди бескрайних Васюганских болот, никому не был интересен во время уничтожение мира. Поэтому даже после Катастрофы, отделившей его от всех остальных городов, жизнь в нем практически не изменилась – текла своим чередом, не принося людям особых неприятностей и тревог. Каждый занимался своим делом, не думая о будущем, не вспоминая прошлого. Но что случится, если обычного человека загнать в угол и поставить перед сложным выбором?

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-114474-6

© Желнов В. Д., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Тихое место. Объяснительная записка Вадима Чекунова	7
Глава 1. Мост	8
Глава 2. Дома	13
Глава 3. Подполковник Захарчук	18
Глава 4. Беглецы	26
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Валерий Желнов

Метро 2033. Реактор

© Д.А. Глуховский, 2018

© В. Желнов, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Тихое место. Объяснительная записка Вадима Чекунова

«Ничто не предвещало беды...» – так журналисты любят начинать статьи о беде и несчастьях. Штамп сродни «мороз крепчал», над которым еще Чехов вволю посмеялся. Хотя жизнь, конечно, устроена именно таким образом – и мороз крепчает, случается, и особой беды, казалось бы, ничего не предвещает обычный наш день. Мы просыпаемся, приводим себя в чувство подручными средствами, планируем свой день (или предаемся свободному течению по нему, если посчастливилось быть на каникулах или в отпуске) – как вдруг...

Мне довелось испытать подобное «вдруг» однажды ранним осенним утром в своем доме на Каширке – взрывная волна отшвырнула к стене, осыпала осколками стекла... Соседнего дома больше не было. Дым, крики, страх и звон в ушах. Сердце словно оборвано, а в голове мысль: «Я живой!» Почти два десятка лет с тех пор минули, но стоит вспомнить эти события – и кажется, что снова слышишь крики и даже чувствуешь запах дыма. Для многих в моем районе жизнь разделилась на «до» и «после». А для других жизнь прекратилась навсегда.

Что уж говорить о событиях более масштабных – которые, не дай бог, случатся и затронут каждого из нас. С жителями крупных городов при наступлении Дня Икс все ясно сразу. Кто успеет, тот укроется. Кто не успеет – избежит от страданий и лишений последующего существования. Ад накроет всех разом, мгновенно и без разбора.

А вот с теми, кто живет вдали от мест основных событий, сложнее. Вроде бы повезло – у нас ведь такие городки есть, что и в мирное время как после бомбежки выглядят, хотя бомбить там вообще нечего. И условия жизни посуровее, чем в больших городах. То есть, казалось бы, люди там ко многому привыкли, и еще одна «вводная» – связи больше нет, транспортного сообщения с другими городами тоже нет (да и городов других нет), – особой погоды не сделает. Как жили люди, так и будут жить дальше. Ну, может, чуть похуже, чем до Катастрофы.

Но Ад на то и Ад, что у каждого он свой. И «тихое место», наподобие города Томска, не избавит людей от тяжести бытия в новых условиях. Ад будет наступать извне – возникнут и чудовищные пожары, и пораженные лучевой болезнью беженцы, и набитые обожженными трупами грузовики, а чуть позже и агрессивные мутанты ползут со всех сторон. Ад обнаружится и внутри – хотя военным удастся пресекать панику и бунты, все проблемы меркнут перед угрозой взрыва Реактора.

И два честных мента оказываются столь плотно вовлеченными в события, что кажется – именно от них и зависит само Будущее.

Самое удивительное, что жизнь устроена и таким образом – каждый из нас может сыграть ключевую роль в судьбе многих людей. Все зависит лишь от места и времени. Ну и от нас самих, разумеется.

Глава 1. Мост

Пламя костра металось под порывами ветра в дырявой закопченной железной бочке. Искры уносились вдаль веселыми стайками. Дмитрий Зорин протянул к огню руки. Тепла он не почувствовал, как, впрочем, не чувствовал и окружающего холода. Тело, облаченное в толстую резину ОЗК, было надёжно защищено от нападков непогоды. Движение было скорее инстинктивным, бессознательным. Просто так было уютнее. Спокойнее. Дима поправил ремень автомата, висевшего на плече, и посмотрел на бегущие по небу тучи. Снизу казалось, что город накрыт рваным черным одеялом, и только у самого горизонта «прорехи» в этом одеяле отличались чуть более светлым оттенком. Судя по всему, до рассвета оставалось совсем немного, около двух часов. А там и смена кончится. Можно будет идти домой и законно спать до обеда.

Вокруг ходили угрюмые, сонные охранники. Штатное расписание сторожевого поста номер один, находящегося на коммунальном мосту через реку Томь, насчитывало десять человек – два пулемётчика, два снайпера, один связной, четыре автоматчика и начальник смены. Зорин никогда не понимал, зачем надо сгонять на мост столько людей только ради мифической опасности, якобы грозящей с другого берега. Левый берег Томи, непосредственно перед мостом, был наштампован минами различного назначения. Поперек моста инженеры протянули сотни метров колючей проволоки, проходящей под разными углами между перилами и фонарными столбами. Единственный мутант, который на памяти Дмитрия каким-то чудом проник через минное поле, смог продвинуться по мосту не больше, чем на пятнадцать метров, запутавшись в металлической паутине. Там он и сдох спустя четыре дня, оглашая окрестности предсмертными воплями. Его скелет, до сих пор висевший на проволоке, теперь являлся неким охранным талисманом города. Каждый охранник, заступающий на смену, махал скелету рукой, чтобы предстоящие сутки прошли спокойно. Может, некоторым это и казалось глупым суеверием, но махнуть рукой нетрудно, а коротать смену потом спокойнее. По воде попасть в город тоже было невозможно, ибо в тёмных водах Томи уже лет пятнадцать, как поселилось некое существо, которое хватало и утаскивало на глубину все, что попадало в эти самые воды. Толком никто не знал, что это и как оно выглядит. Иногда на поверхности появлялись толстые хоботки, которые начинали с шумом гонять туда-сюда воздух. Отсюда томские учёные сделали вывод, что существо в реке имеет лёгкие. Один самый ретивый аспирант, с огромным трудом выпросив ставший редкостью акваланг, нырнул в реку, решив поближе познакомиться с новым видом сибирской фауны. Больше никто не видел ни аспиранта, ни акваланга. На этом исследование таинственного существа и закончилось. Как бы то ни было, это тварь представляла собой ещё одну линию обороны Томска, против чего ни охрана моста, ни сами жители ничего не имели. Разумеется, при соблюдении определённых правил безопасности.

Поэтому Зорину казалось, что достаточно было бы поставить здесь одного человека и дать ему в руки ракетницу на всякий случай. Ну, может быть, двух человек, чтобы развлекались анекдотами и будили друг друга ночью. Остальных можно смело отправлять на работы по благоустройству города. Среди сослуживцев Дмитрия были такие, кто годами протирал штаны в таких вот тихих сменах, но упорно считал, что каждый в городе обязан ему своим спокойствием, и частенько попрекал этим обычных работяг, приняв в баре стакан-другой. Но начальству, как и во все времена, было виднее, и сержант караульной службы Дмитрий Зорин мудро держал свои мысли при себе. Нечего портить отношения с командованием и товарищами. Тем более, что сам Дмитрий, в душе стыдясь собственного малодушия, вряд ли променял бы скучную службу по охране города на ежедневный героический труд какого-нибудь свинопаса или садовода.

Зорин вздохнул и почесал щеку через плотную резину противогаза. Кожа начинала зудеть, и все сильнее хотелось сорвать с себя этот намордник. Однако это было строжайше

запрещено и каралось строго, вплоть до увольнения со службы. Ещё запрещалось спать на посту и покидать охраняемую территорию. Поэтому Дмитрий направился к ближайшей вышке. Забраться на неё и поглазеть на город устав не запрещал. Дима часто развлекал себя таким способом во время дежурств. Он любил смотреть на тёмные силуэты домов и вспоминать, как все было тогда, до войны. Вот и сейчас, вскарабкавшись на вышку и махнув рукой сидевшему там снайперу, Зорин повернулся в сторону чернеющих на фоне неба домов и задумался. Прямо перед ним, закрывая большую часть обзора, возвышалось бывшее здание Томского политехнического университета. Сразу после Катастрофы и последовавшего потом смутного времени там хотели расположить Центр управления городом, но учёные, в большом количестве оставшиеся без дела после закрытия всех учебных заведений Томска, сумели отвоевать у чиновников лаборатории и производственные площади. А градоначальство переехало в более привычное для них здание мэрии, шпиль которого виднелся чуть далее.

Как всегда, глядя на темный город, Дима вспоминал последние мирные дни перед Катастрофой. Ему тогда было пятнадцать. Он помнил ту нервозность, которая ощущалась всюду. Ежедневные пламенные речи президента, который говорил о несметных полчищах врагов, вынашивающих планы порабощения России-матушки, и о том, что мы выстоим и не дадим себя сломить. Помнил он и тот день, когда внезапно замолчали все динамики и громкоговорители, навсегда пропали картинки новостных интернет-сайтов. Народ, привыкший ко всякого рода техническим работам на местном телевидении, ещё пару дней раздраженно смотрел в рябящие «снегом» телеэкраны и слушал шипение радиопомех. Потом в эфире прозвучали памятные для всех слова. Единственные слова, после которых наступило вечное молчание. Они прозвучали на всех частотах. Кто их сказал и откуда они прилетели в тот день в город Томск, теперь уже никто и никогда не узнает:

«По нам нанесли ядерный удар. Это конец. Спаси нас Бог».

Некоторое время пораженный народ переваривал эту информацию, люди передавали её друг другу, не в силах поверить в услышанное. То тут, то там начали вспыхивать стихийные митинги и собрания. Многочисленные делегации потянулись к местным органам управления в надежде услышать хоть какие-нибудь вразумительные объяснения. Но чиновники ничего не могли сказать взволнованным горожанам. В городе началась паника. Люди кинулись в супермаркеты и мелкие магазины, сметая продавцов и охрану, которые, впрочем, не слишком-то и сопротивлялись. Обезумевшая толпа сгребала с прилавков все, что попадало под руку – долго хранящиеся консервы и скоропортящиеся продукты, теплую одежду и пляжные принадлежности, телевизоры, холодильники, стиральные машины, не задумываясь о том, надо это им или нет. Самые дальновидные бросились грабить охотничьи магазины и автосалоны, захватывать заправочные станции. Другие расчищали подвальные помещения многоквартирных домов и спешно запечатывали двери и оконные проемы. Каждый находил в этом хаосе занятие по душе, ожидая в любую минуту падения атомных бомб. Некоторые в ожидании скорой смерти бросились, как говорится, во все тяжкие. Группы молодых людей, заливая в глотки недоступный доселе элитный алкоголь, ходили по городу, избивали и насиловали всех, кто попадался навстречу. Впрочем, некоторые девушки отдавались им вполне добровольно, стараясь наверстать за короткое время годы послушания, внутренних ограничений и моральных запретов. Дмитрий сам однажды участвовал в подобном алкогольно-сексуальном рейде, о чем сейчас вспоминал со стыдом. Город погрузился в хаос. Ещё несколько дней, и не нужно было бы никаких атомных бомб, чтобы разрушить Томск до основания. Население само бы справилось прекрасно.

Масла в огонь подлило ещё одно событие. Несколько человек, видимо, чисто на инстинктах, рванули на личных автомобилях прочь из города. Через сутки один автомобиль вернулся. Салон был забит изуродованными, частично обгоревшими трупами. Водитель сам выглядел не лучше. Машина, виляя из стороны в сторону, проехала по проспекту Ленина и остано-

вилась только тогда, когда врезалась в монумент Владимира Ильича. Люди, временно позабыв про грабеж и разврат, вытащили водителя из покореженного авто. Тот, слепо шаря перед собой покрытыми язвами и ожогами руками, принялся кричать про разрушенные деревни, пожары, огонь, трупы. Когда бедолага немного успокоился, он рассказал, что до Новосибирска не доехал никто. Через двести километров начала отказывать техника, и люди пошли пешком. Вокруг пылали пожары, лежали люди и животные, обгоревшие и изуродованные до неузнаваемости. Спустя пару часов практически всех идущих свалила сильная слабость. Ещё через час многих начало рвать, сначала едой, потом кровью. Некоторые ложились на расплавленный асфальт и отказывались идти дальше. Когда умер первый, было принято решение возвращаться в Томск. На обратном пути люди продолжали умирать. Александр (так звали выжившего) нашёл исправный автомобиль, посадил в него тех, кто ещё дышал, и поехал в сторону Томска. До города живым доехал он один, но глядя на беднягу, было понятно, что и он долго не протянет. Один смысленный МЧСовец притащил дозиметр. Когда к умирающему приблизили датчик, прибор разразился громким треском. Через секунду около разбитого автомобиля не было ни единого человека. Когда прибыла команда в радиационных костюмах, Александр был уже мёртв. Трупы убрали, искореженный автомобиль залили какой-то пеной, и беспорядки вспыхнули с новой силой. Полиция не справлялась с обезумевшей толпой, и одному из чиновников пришла в голову мысль привлечь военных. Ближайшая воинская часть находилась в соседнем городе, в пятнадцати километрах от Томска. Главной достопримечательностью этого городка являлся атомный реактор, использовавшийся для научных, промышленных, ну и, чего греха таить, оборонных нужд. Поэтому городок был закрытого типа, то есть являлся классическим «почтовым ящиком», въезд в него осуществлялся строго по пропускам. Мэры городов быстренько договорились, и солдаты, обычно занимавшиеся охраной реактора, вошли в Томск в сопровождении БТРов, вооруженные и наделённые чрезвычайными полномочиями. Самые сообразительные сразу поняли, что неожиданное веселье закончилось, и попрятались по домам. Некоторые отказались это понимать, и началась стрельба. Много людей полегло тогда, но к концу следующего дня некое подобие порядка было восстановлено. Те буяны, которым повезло остаться в живых, очнулись в битком набитых камерах, страдая от дикого похмелья, с травмами различной степени тяжести и с чувством глубокого раскаяния в душе. После небольшой лекции о вреде алкоголя и недопустимости агрессивного поведения их выпустили, взяв честное слово, что они больше так не будут. Поддержание порядка в Томске взяли на себя военные. Так как ни одной бомбы на Томск так и не упало, жители начали налаживать свой быт, исходя из новых реалий. А реалии были не такие уж и радужные. Во-первых, в городе начал повышаться радиационный фон. Видимо, соседним городам все же досталось больше во время ядерной атаки, и с ветром в Томск начало приносить радиоактивную пыль и осадки. Больше всего город страдал, когда ветер дул со стороны Новосибирска. Тут выяснилось, что службы ГО и ЧС не зря ели свой хлеб, как многим казалось в мирное время. В короткое время они смогли обеспечить горожан противогазами и костюмами ОЗК. Жителям приказали по возможности переселиться в подвальные и полуподвальные помещения, предварительно плотно закрыв дверные и оконные проемы на первых и вторых этажах. Во-вторых, оказалось, что в городе отсутствуют запасы еды и воды. По приказу нового командования военные опечатали все продуктовые магазины и оптовые склады, но этого количества запасов все равно не могло хватить надолго. Искусственное озеро, которое в своё время создавалось как стратегический запас пресной воды, находилось как раз со стороны Новосибирска и, естественно, очень быстро стало фонить. Было принято решение о создании на территории Томска подсобных хозяйств. В бассейны, крытые спортивные площадки и большие подвалы понавозили чистой земли и устроили там теплицы. В другие помещения привезли уцелевший скот из прилегающих деревень. Учёным (благо их было много) поручили разработать нормы выдачи продуктов питания. Жителей города обязали посменно работать на объектах сельского

хозяйства и животноводства, тем самым внося посильный вклад в обеспечение города едой. В-третьих, как оказалось, городская ТЭЦ не может функционировать долго без регулярного подвоза извне топлива – угля и мазута. Власти двух городов немного подумали и нашли выход. Для бесперебойного обеспечения Томска электроэнергией приспособили атомный реактор закрытого города, тем самым решив данную проблему на десятилетия вперёд. Однако, приняв это решение, Томск стал полностью зависимым от своего соседа. Постепенно тот приобрёл доминирующее положение, а бывший областной центр стал сырьевым придатком. Надо сказать, что, став управляющим центром двух городов, «почтовый ящик» так и не открыл свои границы для всех желающих. Наоборот, жителям Томска было строжайше запрещено даже приближаться к забору из колючей проволоки, и всё сообщение между городами осуществлялось исключительно через руководящие органы по телефонной связи. Все приказы, касающиеся развития и жизнедеятельности Томска, теперь исходили от руководства реактора, а томичам оставалось только выращивать овощи, разводить скотину и охранять южные границы новообразованной области. Многим такое положение вещей пришлось не по душе, и они даже пытались выразить свой протест, но их быстро поставили на место, попросту на неделю отключив электричество аккурат в середине декабря, лишив жителей Томска света и отопления. Электроснабжение было восстановлено только после того, как мэр Томска лично принёс свои извинения, а бунтовщики были строго наказаны. Томск смирился со своим подчиненным положением.

Дмитрий помнил эти события так чётко, словно они происходили вчера. Будучи уже взрослым, он пережил и первые погромы, в которых принимал непосредственное участие, и вход войск, когда он лежал в сыром подвале, дрожа от холода и страха, слушая пулеметные очереди на улице и крики умирающих. Помнил он и ту неделю в декабре, когда приходилось отапливать свинарник кострами и носить помои и воду для хрюшек коченеющими от холода руками. Он помнил все. Поэтому вполне естественно, что он, мягко говоря, недолюбливал реакторских, как их начали называть за глаза. Благо те редко появлялись на территории Томска, ограничиваясь редкими рейдами вооружённых до зубов патрулей. Среди жителей Томска ходили слухи о райской беспечной жизни там, за забором из колючей проволоки. Мол, там всего вдоволь и никто не работает, пользуясь тем, что с огромным трудом добывается томичами. Многие пытались пробраться за заветный забор, но в лучшем случае натыкались на презрительное молчание часовых на вышках. Некоторые особо настырные удаивались предупредительной очереди из пулемета. Одному счастливчику каким-то образом удалось проникнуть через проволочное ограждение. Его изрешеченное пулями тело утром вынесли на площадь перед центральным КПП и по телефону настоятельно попросили забрать. Представители томских властей под давлением родственников погибшего пытались выяснить обстоятельства происшествия, но ничего не добились. С ними попросту не соединялись.

Потом объявили набор в местную полицию, и Дмитрий, которому свиньи осточертели до икоты, пошёл записываться. Пройдя нехитрый отбор, он стал сначала рядовым, а потом и сержантом сил охраны правопорядка города Томска, попросту – полицейским. К тому времени в город из соседних областей уже начали проникать странные мутировавшие существа, и на выездах из него установили стационарные посты вооруженной охраны. Всего их сделали три: самый отдаленный – в посёлке Мирном, второй – на Богашевской трассе, ведущей в аэропорт, и один – на мосту через реку Томь. Охрану на этих постах обеспечивала томская полиция. За безопасность северных границ отвечали военные реактора.

Сейчас перед Дмитрием лежал серый, потерявший все былые краски, но практически нетронутый город. На него не упала ни одна бомба, но зато изрядно потрепало время. Выпавшие кое-где кирпичи так и валялись, как и выбитые стёкла, и сорванные крыши. В тысячный раз Зорин смотрел на родной город с этой вышки, и в тысячный раз в его сердце закрадывалась тоска от того, что больше не прогуляется он по центральному городскому саду, не сходит в кинотеатр имени Горького на премьеру. И ещё много чего не сделает никогда.

Диму хлопнули по плечу, отвлекая от грустных мыслей. Снайпер молча указал пальцем за спину Зорина и полез по лестнице вниз. Дмитрий обернулся. К мосту со стороны улицы Нахимова строем шла группа людей, освещая себе дорогу фонариками. Новая смена. Он облегченно вздохнул и полез следом за снайпером.

Внизу уже разворачивалась сцена, которую Дмитрий тоже никак не мог ни понять, ни принять. Называлась она «Смена караула». Почему-то, по мнению командования, нельзя было просто собрать вещи и разойтись по домам, освободив место для нового отряда. Необходимо было произвести ряд действий, которые, по мнению Зорина, не имели никакого смысла. Вот и сейчас бойцы, построившись в две шеренги, стояли по стойке смирно под порывами холодного ветра в потной и осточертевшей за последние шесть часов химзе, ожидая приближающихся людей. Наконец две группы застыли друг перед другом. Дима, мысленно вздохнув, сделал шаг вперед и повернулся к своим бойцам:

– Отделение, равняйся!

Бойцы, как один, повернули головы вправо.

– Смирно!

«Ну, на хрена все это надо?» – подумал он, поворачиваясь к замершему по стойке смирно прибывшему отряду. Он был уверен, что такая же мысль вертелась сейчас в головах у всех. У рядового состава точно.

Командиры обоих отделений, приставив правые руки к вискам в воинском приветствии, одновременно направились друг к другу, чеканя шаг. Встретившись ровно посередине строя, они замерли.

– За прошедшее дежурство чрезвычайных ситуаций не было. Пост сдан. Докладывает командир второго отделения охраны внешнего периметра сержант Зорин! – отрапортовал Дмитрий.

– Пост принят, – ответил второй и, повернувшись к своим бойцам, рявкнул:

– Отделение, направо! Занять места согласно штатному расписанию!

Бойцы нового караула побрели по своим местам.

Дима развернулся к своим людям.

– Отделение, направо! По направлению к караульному помещению шагом марш!

Глава 2. Дома

До караулки шли строем, хотя хотелось бежать изо всех сил. Благо идти было недалеко. Штаб полиции располагался в здании бывшего РОВД по Советскому району города Томска. Окна запечатали с первого по пятый этаж, обеспечив тем самым безопасное нахождение полицейских внутри без средств химзащиты. Вход организовали через изолятор временного содержания, который располагался в подвале. После некоторой перестройки помещения для содержания арестованных превратились в дезактивационную камеру, раздевалку для личного состава, душевую, склад для хранения средств химзащиты, оружейку и комнату прапорщика, который всем этим заведовал. Выше находились кабинеты начальника томской полиции подполковника Захарчука Николая Михайловича и других офицеров командного состава. Отсюда осуществлялось руководство охраной периметра города и внутреннего правопорядка.

Войдя в предбанник, бойцы начали по одному заходить в дезкамеру. Дмитрий прошёл процедуру одним из последних, и когда он оказался в раздевалке, запах там уже стоял такой, что можно было противогаз вешать в воздухе.

– Эй, воины! А ну, не задерживаемся! Быстро мыться, а то дышать из-за вас нечем.

Бойцы, закончив развешивать влажные, пахнущие химикатами ОЗК, взяв полотенца, потянулись в душевую. Один, обернувшись, беззлобно поинтересовался:

– А от вас, товарищ сержант, видимо, как-то по-другому пахнет?

– Разговорчики, воин! – повысил голос Дмитрий. Бойцы из последнего набора оказались не в меру борзыми. Надо будет с этим что-то делать.

– Правильно, – раздался рядом знакомый голос. – Бей своих, чтоб чужие боялись.

Рядом, стаскивая с себя мокрую резину, на одной ноге прыгал Егор Плахов. С Егором они были не разлей вода ещё со времён погромов. Потом вместе решили идти в полицию, попали в самый первый набор и среди остальных солдат считались матерыми ветеранами. Плахов тоже носил сержантские лычки и иногда помогал Диме в воспитании молодёжи.

– Борзеет молодняк, – посетовал Дмитрий. – Мы в их возрасте не такими были.

– А ты стареешь, смотрю, – засмеялся Егор. – Уже на молодых ворчишь, как дед старый.

– Да иди ты!

Когда Дмитрий вышел из душевой, бойцы уже разошлись. В предбаннике его ждал Плахов. Так случилось, что и жили они по соседству, на одной улице, так что идти им было в одну сторону. Зорин достал из шкафчика свой «гражданский» ОЗК и принялся натягивать. На лавке рядом уже стояли две банки армейской тушенки, выдаваемой сверх продовольственной нормы после каждой смены. Это был так называемый усиленный паек для органов охраны правопорядка. Дима положил обе банки в рюкзак и затянул горловину. После ночного дежурства и горячего душа разговаривать не хотелось. Они молча вышли из здания РОВД и побрели по улице Советской. До улицы Гагарина, где находились их дома, а точнее сказать, подвалы, ходу было минут тридцать.

Моросил мелкий дождь, народу на улице практически не было. Если и раньше мало кто под дождем любил гулять, то теперь это стало просто опасно для жизни. Откуда бы ни прилетели тучи – из Новосибирска, Красноярска или ещё откуда-нибудь, влага в них была заражена. Деревья, зеленевшие до Катастрофы буйным цветом, теперь превратились в черные головешки, уродливо торчащие по краям улиц. Стёкла противогазов быстро запотевали, и приходилось постоянно протирать их перчатками.

– Как Ленка себя чувствует? – прервал молчание Егор.

Месяц назад Дима узнал, что его жена Елена наконец смогла забеременеть. Радости супругов не было предела, и первым, кому рассказал Дмитрий о будущем счастье, был старинный друг.

– Растет, – ответил Зорин. – Во всех смыслах.

– Месяц-то какой?

– Ходили к врачу, говорит – четвёртый.

– На УЗИ ходили? Нормально там все?

Дмитрий вздохнул. Этого момента он боялся больше всего. Он, конечно, понимал, что если у ребёнка найдутся какие-то отклонения от нормы, он все равно от него не откажется, но уж очень этого не хотелось.

– Записались, – сказал он, – но ты же знаешь, какая там очередь. Последний рабочий аппарат в городе остался. Сломается этот – и будем на облаках гадать.

Егор кивнул:

– Да уж. Хорошо сегодня доктора устроились. Возможностей все меньше, а запросы все больше. Стоматологи слышал сколько дерут? А ихними сверлами только кирпичи дырывать. Должны вообще-то бесплатно лечить, а попробуй к ним просто так попасть. Запишут на следующий год, а как очередь дойдёт, уже и лечить-то нечего. Зато кто с подарками приходил, уже свежими пломбами сверкает.

Дима кивнул, думая о своем:

– И ведь все ещё на работу ходит. Говорил я ей – сиди дома, хапнешь ещё чего лишнего. А она мне – мол, дома скучно, а там у них парники с повышенной радиационной защитой. Спорили, спорили, чуть не поругались. Ни в какую.

– Ага. Бабы – они упертые. Особенно беременные.

Они снова замолчали. Сверху раздался протяжный визг. Друзья подняли головы. В сером небе, среди туч, мелькала крупная тварь, раскинув широкие перепончатые крылья.

– Опять с Новосиба прилетела, – сказал Зорин.

– Ага, – согласился Плахов. – Надо бы в штаб сообщить.

– Забей, – махнул рукой Дима. – Наверняка на постах засекли. Улетит, и пес с ним. А будет буяннить – примут меры. Не в первый раз. Пошли быстрее.

Ещё раз глянув на парящего в небе ящера, они поспешили по улице дальше.

* * *

Первое, что Дмитрий почувствовал, спустившись в родной подвал, – запах еды. Кто-то готовил что-то мясное. Дима втянул носом воздух, и его рот наполнился слюной. Господи, он же ел больше восьми часов назад!

Надо быстрее отдать Ленке тушенку, чтоб она тоже сварганила что-нибудь подобное. Под потолком горело несколько тусклых лампочек. Слышен был треск печек-буржеек, с помощью которых жильцы подвала готовили еду и отапливали помещение. От парового отопления отказались ещё до выхода из строя ТЭЦ. Старые чугунные трубы проходили прямо по стенам подвала, и если бы одну из них прорвало, то затопило бы и подвал, и людей.

Не успел Зорин сделать и шагу, как перед ним по стойке смирно замер Максимка, его сосед. Мальчишка мечтал, когда вырастет, стать военным и всякий раз демонстрировал Дмитрию свою солдатскую выучку.

– Здравия желаю, товарищ сержант! В ваше отсутствие происшествий не было! – отпартовал он и так резко вскинул руку к виску, что чуть не выбил себе глаз.

Из-за угла вышла Ленка и, что-то помешивая в закопченной кастрюлке, с улыбкой стала наблюдать за ними. Зорин, видя это, решил устроить для любимой жены небольшое представление, а заодно и повоспитывать мальчугана. Скорчив самую зверскую рожу, какую был способен, он наклонился к Максимке и прорычал:

– Как стоишь, боец?

Максимка от испуга вытянулся ещё больше, непонимающе глядя на Дмитрия. Тот, подождав для пущего эффекта секунд пять, легонько хлопнул его по поднятой руке и, не меняя тона, сказал:

– К непокрытой голове руку не прикладывают.

Мальчишка покраснел, потом побледнел и быстро опустил руку.

– Будешь наказан, – продолжил Дмитрий, – до отбоя должен сделать пятьдесят отжиманий. Можно за несколько подходов. О выполнении доложить лично мне.

Максимка кивнул, продолжая стоять на месте.

– Чего замер, боец? Кругом! Выполнять!

Пацан крутанулся на месте (через правое плечо, заметил Дима) и бегом скрылся в глубине подвала. Зорин проводил его взглядом и подошёл к ожидавшей его жене. Чмокнув её в щеку, он заглянул в кастрюлю.

– М-м. Так это от нас так вкусно пахнет. Откуда разносолы?

– Ты не слишком его, а? – Вместо ответа Ленка кивнула в сторону, куда убежал мальчик.

– Ничего, ему только на пользу. Спорим, он уже через полчаса прибежит с докладом?

– Воспитатель, блин, – Лена тихонько щелкнула его по лбу пальцем, – пойдём, есть будешь.

Они отправились в свою каморку. Раньше в подвале сталинской пятиэтажки на улице Гагарина размещались кладовки два на три метра, полагавшиеся хозяевам каждой квартиры. После Катастрофы эти кладовки переоборудовали в маленькие отдельные комнатки. Одну из таких комнаток и выделили Дмитрию как бывшему жильцу этого дома. После рождения ребёнка он надеялся выбить себе жилплощадь посвободнее. В комнатке были только старый пружинный матрас, лежащий прямо на полу, и несколько фотографий, развешанных на стене. Дима сел на матрас и принял из рук жены деревянную доску со стоящей на ней кастрюлей. Помешав в ней ложкой, он выудил из бульона с картошкой кусок мяса.

– Это не тушенка, – констатировал он. – Это настоящее мясо. Откуда?

Ленка нервно потерла ладони.

– Ты только не ругайся. Это Света дала. Она сейчас с одним из цеха забоя скота встречается, вот он ей и подарил. А она – мне. Говорит, мне нужнее.

Дмитрий недолюбливал эту женщину. Светлана Демидова, похоже, успела перевстречаться с половиной населения города Томска. И то потому, что вторая половина – женщины. При этом она не гнушалась брать за свои услуги подарки в виде еды, одежды да и вообще всего, что приносили. Зорин не хотел себе признаваться, что, скорее всего, причина его неприязни в том, что он и сам не без греха. Правда, это было давно, ещё в первые дни Катастрофы. Он был молод и, естественно, влюбился в эту красивую и веселую девушку. Влюбился по-настоящему и, как ему тогда казалось, раз и навсегда. Известие о том, что у неё таких кавалеров, как он, ещё с десятков, повергло парня в шок и глубокую депрессию. Он стал её избегать. Естественно, впоследствии он был неприятно удивлен, когда оказалось, что его жена не только работает со Светланой в одном парнике, но вдобавок они являются лучшими подругами. Эта новость чуть не разрушила их брак. Дмитрий орал на молодую жену, требовал прекратить всяческие отношения с «этой проституткой», обвинял Ленку в таком же поведении. Тогда она надолго ушла жить обратно к родителям. Зорин некоторое время бесился, потом поостыл. Он решил, что любовь к жене сильнее его старых обид. После долгих извинений Ленка вернулась. Они договорились, что жена не будет говорить дома о Свете, а Дмитрий не будет против их общения на работе и во время его дежурств.

Но сейчас, несмотря на голод, аппетита у Димы поубавилось. Он с неприязнью разглядывал лежащий в ложке кусок мяса.

– Света дала, – повторил он слова жены. – Вот она и тебе дала.

– Не надо так. – Лена положила руки ему на плечи. – Она хорошая, добрая девушка. Просто слишком любвеобильная. Ты ешь лучше. Это же мясо. Ну, ради меня. Ради нашего ребёнка.

Это был нечестный приём. Зорин положил содержимое ложки в рот и начал усиленно жевать. Приготовлено мясо было очень вкусно. В животе немедленно заурчало. «Предатель. Иуда», – подумал Дмитрий про свой желудок. Он зачерпнул ещё, изо всех сил делая вид, что ему это очень неприятно.

– Она ещё кое-что для меня сделала.

– Что же? – спросил Дима с набитым ртом.

– Она меня сегодня на УЗИ сводила. У неё врач знакомый есть.

Дмитрий замер с полной ложкой. Он машинально дожевал то, что было во рту. Попытался что-то сказать, но крупинка, подло застрявшая между зубами, внезапно попала в дыхательное горло. Зорин закашлялся, едва не перевернув всю кастрюлю на пол. Кое-как поставив ее рядом, он согнулся в приступе кашля. Ленка, охая, неуклюже хлопала мужа по спине. Когда Дмитрий смог говорить, он сипло спросил:

– И что?

Ленка просияла, пользуясь возможностью сменить тему:

– Абсолютно здоровый, нормальный ребенок. Мальчик.

В голове у Дмитрия творилось что-то невообразимое. Чтобы сказать хоть что-нибудь, он ляпнул:

– Точно мальчик?

– Ага, точно. Он на экране все достоверно показал. – Ленка игриво потрепала мужа по волосам. – Такой бесстыдник. Прямо как его отец.

– А это точно не хвост? – попытался неуклюже пошутить Дима.

В комнате воцарилась тишина. Пару секунд Ленка молча смотрела на мужа. Потом её глаза наполнились слезами. Она резко вскочила на ноги.

– Хобот! – крикнула она ему прямо в лицо и бросилась к выходу. На пороге обернулась. – Придурок!

Дмитрий остался в пустой комнате. Некоторое время он тупо смотрел в кастрюлю. Потом с силой заехал ложкой себе по лбу. На лице и волосах остались висеть разваренные крупинки. Зорин закрыл лицо ладонями. Точно – придурок. Конченный идиот. Это же надо так пошутить в то время, когда каждый пятый младенец рождается с какими-нибудь аномалиями. Если когда-то они бы с Ленкой весело посмеялись над подобной шуткой, то сейчас это звучало как пощёчина, как плевок в лицо будущей матери. Дима вскочил и бросился вслед за женой. В коридоре сидела баба Аня и что-то жевала. Увидев выбежавшего мужчину, она покачала головой и зацокала беззубым ртом. Что происходило в их комнате, она вряд ли слышала, но заплаканную Ленку видела точно. Зорин подбежал к ней.

– Куда она делась?

Баба Аня, продолжая цокать, ткнула пальцем дальше по коридору. Не поблагодарив, Дима кинулся в указанном направлении. Ленку он нашёл в самом дальнем углу. Она сидела на полу под вентилями отопления, обхватив колени руками, спиной к проходу. Плечи её судорожно вздрагивали.

– Лена, – тихонько позвал Зорин. Всхлипы прекратились, но оборачиваться она не стала.

– Лена, прости. Ладно?

Он осторожно подошёл к жене и положил руки ей на плечи. Лена напряглась, но руки его не сбросила. Дима мысленно вздохнул от облегчения. Значит, помиряется.

– Ленка, ну прости идиота. Я – тупица, бесчувственный болван. У меня на этих ночных дежурствах совсем мозги ссохлись, несуче попало.

Лена молчала. Зорин начал нежно поглаживать Ленкину шею.

– Ну, прости.

Молчание.

– Ну, Ленка.

Нет ответа.

– Ну, что мне сделать, чтоб ты меня простила?

Тишина.

– Ну, хочешь, я сейчас пойду твою Свету поцелую? Хочешь? Простишь тогда?

– Не надо Свету.

Тихий голос жены был лучше любой награды. Дима страстно обнял Ленку и зарылся лицом в её волосы, вдыхая их аромат.

– Лучше меня поцелуй. И не шути так больше.

Зорин яростно замотал головой. Лена обернулась. Их губы начали сближаться.

– Вот вы где, товарищ сержант.

Звонкий детский голос был подобен ведру холодной воды. Ленка покраснела и захихикала, закрыв лицо руками. Дмитрий сжал челюсти так, что заскрипели зубы. Никогда ещё ему так не хотелось вlepить этому назойливому мальчишке с размаху подзатыльник.

– Разрешите доложить, товарищ сержант.

Зорин закатил глаза. Ленка, глянув на него, снова залилась смехом. Максимка неодобрительно посмотрел на неё, но промолчал. Бабы, что тут ещё сказать? Он с докладом, а она смеётся. Но она жена его, Максимки, командира. Так что придётся терпеть.

– Докладывай, – вздохнул Дмитрий.

– Отжался пятьдесят раз. Прикажете ещё пятьдесят?

– Нет, свободен. До завтра можешь отдыхать. – И, видя, что малец стоит не шевелясь, добавил: – Выполнять. Кругом. Шагом марш.

Максимка, опять повернувшись через правое плечо, чеканя шаг, скрылся за углом. Дима повернулся к улыбающейся жене, развел руки в стороны и пожал плечами. Мол, что тут сделаешь? Ленка, театрально сложив руки на груди, восхищенно произнесла:

– Ну, просто прирожденный отец!

Глава 3. Подполковник Захарчук

– Димо-о-о-он!

Громкий крик, усиленный бетонными стенами подвала, буквально вырвал Диму из сладких объятий сна. Еще не открыв глаза, он начал нашаривать около себя штаны.

– Черт, опять на службу проспал, – сонно пробормотал он.

– На какую службу? – простонала такая же сонная Елена. – Ты вчера с дежурства пришел. Зорин замер. А ведь действительно. Секунду он размышлял, мог ли он проспать трое суток подряд, отмел эту версию как несостоятельную и мигом озверел.

– Я щас этому шутнику рога пообломаю!

Голос «шутника» он узнал сразу. Егор, чтоб его!

В коридоре скрипнула дверь.

– Ты чего шумишь?!

Визг возмущенной бабы Ани по децибелам превысил крик самого Егора. Дмитрий услышал, как в соседних каморках стали ворочаться и сердито бормотать люди.

– Я тя спрашиваю, че вопишь? – разошлась баба Аня. – Ты вообще кто такой? Выметайся, чтоб духу твоего здесь не было немедленно, не то милицию позову, будешь знать, как людей честных спозаранку будить воплями своими...

Зорину стало смешно. Злость на старого друга сменилась жалостью. По личному опыту Дима знал, что баба Аня, ежели разоидется, может на одном дыхании чехвостить оппонента минуты две без перерыва и ни разу не повториться. Ну, ничего. Будет теперь знать, как в Димкином подвале шуметь, даже если очень надо. За спиной раздались тихие всхлипы. Зорин обернулся. На матрасе, укрывшись одеялом, сидела Лена и тоже, прижав ко рту кулачок, хихикала. Досаду у обоих как рукой сняло. Дима приложил к губам палец и подошел к двери. Немного приоткрыв ее, он стал наблюдать за разворачивающейся перед ним сценой.

Посреди коридора, спиной к Дмитрию, уперев руки в боки, стояла баба Аня – полтора метра чистого гнева. Над ней, примирительно выставив раскрытые ладони и потихоньку пятясь назад, возвышался Егор, который, впрочем, с каждым новым криком бабы Ани, казалось, становился все меньше и меньше.

– Тише, тише, бабушка...

Дима с Леной прыснули еще сильнее. Они оба знали, что после слова «бабушка» жить Егору осталось минуты три.

– БАБУШКА?!!!

От этого крика с соседних крыш попадали на землю засохшие трупики голубей и треснуло стекло на четвертом этаже.

– Я ТЕ ПОКАЖУ – БАБУШКА!!! Я тя запомнила, бандит проклятый. Я тя щас в полицию сдам! Я на тебя такое заявление накатаю, тебя ни в одну тюрьму не возьмут, расстреляют тут же, чтоб небо это чистое не коптил! Я тя...

Но Плахов, видимо, уже понял, что конца этому монологу не будет. Вытянувшись во весь рост, он громко, по-строевому гаркнул:

– Молча-а-а-ать!

Баба Аня захлебнулась собственными словами. Давненько с ней так никто не обращался. Дмитрий повернулся к жене и удивленно кивнул, мол, может же, когда хочет.

Егор же, воспользовавшись секундной заминкой, уже тише сказал:

– Тихо, ба... женщина, полиция уже здесь. – Он развернул свои корочки и показал бабе Ане. – Я из полиции.

Баба Аня с минуту близоруко всматривалась в протянутый документ, а затем расплылась в добродушной улыбке. Полицейских она уважала.

– Сынок, что ж ты сразу не сказал, что ты защитник наш. Хорошо, что пришел. У меня к тебе дело есть.

Она подхватила Плахова под локоть и мягко потащила по коридору.

– Повалился тут в наш подвал один ханыга. Мы-то его все знаем, живет в соседнем подвале. Но как напьется, так к нам лезет. Наутро говорит – мол, путает постоянно. А я думаю, что он это ко мне приходит. Приходит и насильничать желает. Ты уж, сынок, сделай с ним что-нибудь. А то я уж за себя сильно переживаю.

Из соседних каморок слышались смешки. Видимо, все жильцы, в том числе и Дима с Леной, представили себе эту картину.

Егор сделал лицо, как на советских плакатах, изображавших образцовых милиционеров прошлых лет.

– Не волнуйтесь, гражданка. Это дело взято под мой личный контроль. Сердечно благодарю вас за своевременный сигнал.

От таких слов баба Аня растеклась по стенке сладкой патокой. Еще немного, и она, казалось, усыновила бы Егора и переписала бы на него все свое имущество.

– Да что ж ты, сыночек...

– А теперь, гражданка, – тем же протокольным голосом продолжил Плахов, – покажите мне, где здесь проживает Дмитрий Зорин. Он мне нужен для очень важного расследования.

«Ну, все, комедия кончилась», – подумал Дмитрий.

Он нарочито громко распахнул дверь и вышел в коридор. Ругаться на Егора больше не хотелось.

– Я здесь. Здравствуйте, Анна Григорьевна.

На лице Плахова отразилось явное облегчение.

– Доброго утречка, – зашебетала баба Аня. Ей нравилось, когда ее называли по имени-отчеству. Несмотря на воцарившееся молчание, уходить она не собиралась.

– Анна Григорьевна, – снова обратился к ней Зорин. – Вы позволите? Дело, по всей видимости, секретное.

Баба Аня, скроив недовольную физиономию, отошла, однако недалеко. Даже со своего места Дмитрий и Егор могли видеть торчащее из-за ближайшего угла ухо.

– Пошли отсюда, – прошептал Плахов, – Михалыч вызывает.

– Какого черта, – так же тихо зашептал Дима, – вчера ж с патруля только вернулись?

– Пошли, по дороге объясню. Мне здесь как-то неуютно. – И громко добавил: – Я вас на улице подожду, товарищ сержант.

Зорин кивнул и направился к своей двери. Было слышно, как Егор в спешке удаляется прочь под просьбы бабы Ани:

– Ты уж, сынок, про меня не забудь. А то ж насильничает.

Дмитрий зашел к себе в каморку. Лена стояла уже одетая и вопросительно смотрела на него.

– Идти надо, – ответил он на незаданный вопрос. – Михалыч, говорит, вызывает. Случилось чего-то.

– Они там у вас не оборзели? – недовольно поинтересовалась жена.

Зорин пожал плечами.

– Может, и оборзели. Но что делать? Ладно, может, вернусь скоро.

Когда Дмитрий наконец вышел из подъезда, Егор раскачивался на чудом уцелевших во дворе качелях. Увидев командира, он, как пацан, на ходу соскочил с них.

– Ну, у тебя и охрана в подвале, – восхищенно сказал он. – Никакой полиции не надо.

Они вышли на проспект Ленина.

– Ты, главное, начальству нашему о ней не говори, – продолжал разглагольствовать Плахов. – Нет, ну ты представь. Соберут по городу с десятков таких вот баб Ань, выставят на посты – и амба. Не нужны мы будем с тобой никому. Будем на лавочках сидеть, семечки лузгать и соседских девчонок проститутками называть.

– Так где ж их сейчас взять? – пробормотал Зорин.

– Кого? – не понял его Егор. – Проституток? Дык ты только скажи...

– Да нет. Семечки.

Некоторое время шли молча, разглядывая покрытое тучами небо.

– Так что случилось?

– А пес его знает. Прискакал посыльный, ну, этот, молодой, с веснушками. Сказал, мол, срочно всю нашу группу к Михалычу. Подробности там расскажут.

– А чего к тебе первому пришли? Чего не ко мне?

Друг пожал плечами.

– Видимо, я ближе был. Ему велено было всех obeжать. Он после меня хотел к тебе, а я сказал, что сам. Он к другим понесся. – И через секунду добавил: – Лучше бы он к тебе пошел.

– Ох, нехорошие чего-то у меня предчувствия.

На подходе к РОВД навстречу им на всех парах пролетел черный тонированный «Хаммер».

– Ну, вот и предчувствия, – констатировал Егор.

– Реактивные.

Теперь точно стало понятно, что хорошего ждать не приходится. И что Дмитрий, скорее всего, домой сегодня не попадет.

– Если кипеш из-за них, то бодяга надолго, – подтвердил его догадку друг.

Вся группа уже сидела на ступеньках РОВД. При приближении командира они встали. Зорин поочередно поздоровался со всеми за руку.

– Здорово, командир. Чего происходит? – озвучил общую мысль Витя, самый массивный из них, отвечающий за пулемет «Печенег».

– Все в сборе? – Дмитрий оглядел присутствующих. – Вот сейчас мы это и узнаем. Вы хоть постройтесь для вида, что ли.

Первое, что бросилось в глаза, когда отряд, пройдя необходимую процедуру обработки, вошел в помещение самого РОВД, – тяжкая атмосфера всеобщей подавленности. Впрочем, такое наблюдалось всегда после визита высокого начальства. Было понятно, что местным боссам только что накрутили хвосты, а те в свою очередь сейчас начнут крутить всем остальным. И не обязательно хвосты.

Мимо пробежал отряд, полностью экипированный для дальнего рейда.

– Ох, чует мое сердце, что и нам это предстоит, – простонал Плахов.

– Посмотрим. Не паникуй раньше времени, – ответил Зорин, хотя в душе был согласен с товарищем.

Поднявшись на третий этаж, они остановились перед дверью с надписью: «Начальник Томского отдела охраны правопорядка Захарчук Николай Михайлович». Дмитрий всегда полагал, что можно было бы и покороче. Но, как говорится, начальству виднее.

– Ладно, – сказал он, повернувшись к отряду, – я к руководству, а вы стойте здесь. Егор, со мной пойдешь.

Кабинет главы томской полиции на первый взгляд не производил особого впечатления. Местами обшарпанные стены, давно не беленный потолок, тяжелые пыльные портьеры на окнах свидетельствовали о том, что хозяину помещения плевать на комфорт и показушность. Однако отдельные предметы роскоши в нем все же присутствовали. Тяжелый стол из красного дерева на толстенных ножках с множеством вместительных ящиков, кожаное кресло под стать

ему, массивный металлический сейф с гербом СССР на дверце. Ну, и еще огромная хрустальная люстра под потолком.

Все это досталось Захарчуку от предыдущего хозяина кабинета, который заседал здесь еще до Катастрофы и носил звание генерал-майора. И Николай Михайлович оставил эти вещи себе отнюдь не из-за огромной любви к роскоши и удобству. Так получилось, что, несмотря на всеобщую нужду и тотальный дефицит, эта некогда дорогая и недоступная для многих элитная мебель оказалась на фиг никому не нужна. Поначалу Захарчук чуть ли не всем подряд предлагал забрать «функциональный стол» и «очень удобное кресло», но потенциальные покупатели, едва увидев перед собой два центнера красного дерева и кожаной обивки, мигом меняли свое мнение и убегали искать для себя обычную табуретку или подержанную раскладушку.

Со временем Николай Михайлович смирился, что именно ему придется восседать среди всего этого великолепия. Хотя несомненным плюсом была долговечность мебели. С момента Катастрофы прошло без малого двадцать лет, а стол был все так же крепок, кресло, хоть и порядком потертое, осталось таким же удобным, а старый советский сейф за это время не смог вскрыть ни один слесарь, даже на спор. На этом «роскошь» кабинета начальника Томской полиции и заканчивалась. Угол большого помещения был отгорожен обычным покрывалом, висящим на веревке. За покрывалом располагался низенький топчан, сколоченный из досок лично Николаем Михайловичем. Рядом на стене над эмалированным тазом висел дачный умывальник. Захарчук, человек одинокий, проживал в этом же кабинете.

Порой Захарчук сравнивал себя с оставленной в кабинете мебелью. Жестокое время упорно брало положенное. Глядя в зеркало, Николай Михайлович с усмешкой отмечал появившиеся «потертости» и «помятости». Они с мебелью старели вместе. Но вместе с тем он оставался крепким и нестигаемым, хотя и до жути устал от такой жизни.

Двадцать лет назад сорокалетний подполковник взял на себя организацию правопорядка в охваченном паникой и беспорядками Томске. Взялся с энтузиазмом, твердо поставив перед собой цель сохранить город. Бывший начальник УВД, едва увидев под окнами полиции разъяренную, нетрезвую толпу, моментально положил на стол свои погоны и молча ретировался через черный ход. Насколько Захарчук знал, подобным образом поступили большинство глав силовых и прочих ведомств. В дальнейшем многие из них под давлением реалий, а, возможно, и не перенеся собственной трусости, начали пить и закончили кто в канаве, кто с петлей на шее, а кто и с пулей в голове.

После бегства генерала именно Захарчуку пришлось выходить к людям с риском быть растерзанным неадекватной толпой. Он помнил, как ему пришлось в течение года или двух носиться по всему городу, договариваясь с новыми руководителями районных отделений полиции, МЧС, ФСБ, криминальными авторитетами местного разлива, районной гопотой, дабы не допустить раскола города на множество воинствующих группировок. Постепенно новоявленные князьки один за другим признали активного и действительно радеющего за судьбу Томска подполковника. Таким образом, контроль за порядком в городе, а соответственно, и власть, по крайней мере официальная, сосредоточилась в руках одного человека. Нет, конечно, в городе существовали и другие «департаменты» со своими руководителями и директорами, сохранилась пара-тройка криминальных группировок, не признавших новую власть, но так или иначе, для решения каких-либо проблем все шли к Николаю Михайловичу.

Еще одной ложкой дегтя в этой бочке того же дегтя было давление вооруженного гарнизона реактора, или, как они себя называли, службы безопасности реактора. Любые приказы, приходящие из-за колючей проволоки, требовалось исполнять незамедлительно и не размышляя. В противном случае следовало отключение электроэнергии по всему городу, а повторения декабря 2013 года никто не хотел.

Вот и сейчас Николай Михайлович сидел в своем кресле, мрачно разглядывая стоящий перед ним наполовину наполненный самогоном стакан и размышляя, напиться ему немедленно

или подождать до вечера? Личный приезд офицера СБР, как всегда, выбил из колеи, оставил в душе гадостное ощущение и желание помыться.

Больше всего Захарчука почему-то раздражала даже не их гипертрофированная надменность, а внешний вид. Черные противогазы, которые они никогда не снимали, черные длинные кожаные плащи, черные высокие сапоги. Автоматы – и те были черного цвета. И все – начищенное и блестящее. Такое впечатление, что те, кто их надевал, в свое время переиграли в Killzone и Fallout, а потом конкретно сдвинулись на Дарте Вейдере и фильмах про эсэсовцев. И вообще, где они взяли столько черного материала?! Детский сад какой-то! Да и распоряжение, которое получил Захарчук, мягко говоря, приводило в недоумение – найти трех сбежавших из-за колючки людей. У Николая Михайловича имелась прямая телефонная связь с реактором, и личный приезд офицера СБР был ему непонятен.

Захарчук уже почти решился и даже поднес стакан ко рту, когда в дверь постучали. В дверь просунулась голова Зорина:

– Николай Михайлович, можно?

Захарчук решил не острить по поводу Машки с ляжками и козы на возу.

– Проходи, Дима. – Он поставил стакан на стол. – Ты, как всегда, вовремя.

Зорин шагнул в кабинет. Следом проскользнул Егор. Николай Михайлович с неодобрением посмотрел на второго гостя, но возражать не стал. Не то чтобы информация, которую Захарчук собирался озвучить, была не для ушей Плахова. Просто поведение последнего не всегда нравилось старому подполковнику, привыкшему хоть к какому-то подобию порядка и уставных отношений.

– Проходите.

Захарчук указал рукой на пространство перед столом. Присесть не предложил, не того ранга были гости.

– Сегодня с утра ко мне приезжали важные товарищи из-за забора, – приступил сразу к делу Николай Михайлович. – Ну, вы, наверное, в курсе.

Зорин с Плаховым одновременно кивнули.

– Вот. По полученным мною от них данным, – подполковник невольно перешел на казенный язык, – с территории реактора сбежали трое лиц. Поставлена задача их разыскать, взять живыми и передать патрулю СБР. Задача ясна?

Друзья молча переваривали информацию. Первым нарушил молчание Егор:

– Николай Михайлович, вы меня, конечно, извините, но у нас что, людей не хватает?

– В каком смысле? – начиная краснеть, спросил Захарчук.

– Он в том смысле, – перехватил инициативу Дмитрий, боясь, что не следящий за языком Егор наговорит лишнего, – что нам сегодня положен выходной, а тут делов-то – троих найти. Могли бы и без нас справиться.

– Могли бы – обошлись бы без вас! – грохнув кулаком об стол, прорычал Захарчук.

Он залпом опрокинул в себя содержимое стакана и несколько секунд сидел, закрыв глаза. Затем, взяв себя в руки, продолжил уже спокойнее:

– Товарищ из-за забора очень, я повторяю – **ОЧЕНЬ** настаивал, чтобы беглецы были найдены именно сегодня.

– Офицер? – зачем-то уточнил Егор.

– А кто их разберет, – ответил Захарчук. Видимо, самогон уже начал обволакивать мозг подполковника, и Николай Михайлович стал более разговорчивым. – Они ж все одинаковые, словно инкубаторские. Дарты Вейдеры, блин. Однояйцевые. Одно яйцо на всех.

Сказано это было со злостью, поэтому Дмитрий смеяться над шуткой не стал.

– Не знаю, что эти трое натворили, но сегодня я впервые увидел, как эсбээровец волнуется.

Егор присвистнул. Расшевелить эти статуи в черном, на его памяти, не удавалось еще никому.

– Да, да, – видя удивление друзей, подтвердил Захарчук. – Обычно стоит, как монумент. А тут ходит из угла в угол и повторяет: «Найти до темноты, найти до темноты». Ну, и угрожает, естественно.

– Отключением электроэнергии? – скорее утвердительно, чем вопросительно произнес Дмитрий.

– А чем они еще могут угрожать?

– На сутки?

– На сутки. На неделю. На месяц. Если до темноты, максимум – до утра не предоставим им эту троицу, сказали, оставляют за собой право самим решать, сколько мы тут будем при свечах с буржуйками куковать.

– Ну, а вы что? – спросил Егор.

Подполковник поморщился.

– Плахов, не нарывайся.

И так было понятно, что Захарчук в тот момент просто молчал и обтекал. Однако вслух произносить этого не стоило.

– Давно они сбежали? – спросил Дмитрий.

– Около шести часов назад.

То есть либо посреди ночи, либо рано утром. Дмитрий прикинул время и расстояние. Выходило, что беглецы могут находиться в любой точке города.

– Теперь о плохом.

Дима с Егором изумленно подняли брови. Есть что-то еще хуже?

– Всем готовым поисковым группам я распределил участки ответственности. Так как вы пришли позже всех, вам достался последний.

Что-то в интонации начальника заставило товарищей напрячься.

– И вам достается... – подполковник сделал паузу в стиле ведущего старой телевизионной игры, – поселок Свечной.

Егор тихо застонал. Свечной некогда являлся так называемым частным сектором, состоящим из одноэтажных деревянных домиков и редких двух-трехэтажных кирпичных особняков. После Катастрофы люди, обитавшие там, чтобы выжить, переселились ближе к центру города, покинув свои дома. Постепенно поселок пришел в запустение, строения обветшали и стали разрушаться. Однако законы природы действовали и в этом гниющем, умирающем мире. Освободившаяся территория постепенно стала заселяться порожденными радиацией существами. Мутировавшие животные облюбовали людские жилища. Сейчас мало кто узнал бы в кровожадных монстрах забавных некогда воробьев, зайцев или белок, сильно увеличившихся в размерах. Все травоядные обзавелись клыками, когтями или жалами. Присутствовали там также и волки, и собаки, в принципе, не сильно изменившие свои привычки, просто ставшие более злыми и прожорливыми. Хозяином всего этого зоопарка являлся медведь, неведь откуда забредший на территорию города. Как и полагается альфа-существу, он был один. Целыми днями он бродил по разросшемуся лесу, изредка оглашая поселок глухим рыком. Со временем мутантов становилось все больше.

Со стороны Новосибирска от наплыва различных чудовищ город защищала естественная преграда в виде реки, но ничто не мешало голодным животным проникать в жилые кварталы с севера.

На шестой год после Катастрофы вопрос безопасности города встал, как говорится, ребром. После того, как на окраине была разорвана целая семья, руководство решило, что надо что-то делать. Военные тут же предложили зачистку территории силовыми методами. Хотя биологи из Томского университета уверяли, что отстреливать мутантов смысла нет, ибо на

месте истребленных будут появляться новые, в Свечной направили отряд из двадцати тяжело-вооруженных бойцов. В течение полутора часов жители Томска могли слышать беспорядочную стрельбу и разрывы гранат. Обратно никто из отряда не вернулся.

Тогда решили действовать по плану «Б», и за дело взялись строители. Под вооруженной охраной на бывшем железнодорожном переезде вдоль линии частного сектора они быстренько вкопали столбы и натянули колючую проволоку в несколько слоев, а саперы организовали что-то похожее на заминированную контрольно-следовую полосу со стороны поселка.

Все же пропавший отряд сделал свое дело, покрыв достаточно мутантов, чтоб они не мешали возведению забора. Незаминированной осталась только асфальтированная дорога, ведущая от реактора в Томск. На ней сделали контрольно-пропускной пункт для проезда автотранспорта. На практике воротами пользовались только сотрудники службы безопасности реактора во время нечастых визитов в Томск. Дежурства на границе с поселком считались приближенными к боевым условиям, и патрули на этом направлении имели приказ стрелять на поражение. Службу здесь нес специально сформированный отряд, членов которого называли пограничниками.

За пределами Томска все же жили люди. Одно семейство, проживавшее близ поселка Киргизка, почти примыкающего к закрытому городу, отказалось покидать свое подворье. Эта семья владела достаточно большой площадью, обнесенной высоким бревенчатым забором, и среди местных жителей слыла очень странной. Ни с кем не общаясь, члены ее вели отшельнический образ жизни, крайне редко выходя во внешний мир за чем-нибудь уж совсем необходимым. Чужих внутрь не пускали, знакомств не заводили. Их называли старообрядцами, отшельниками, а то и просто чокнутыми.

Учитывая их затворничество, стали поговаривать о кровосмешении. Впрочем, доказательств этому, как и любым другим слухам, не было. Проблем окружающим они не доставляли, полиция к ним не приезжала, и люди спокойно относились к такому соседству.

Однако когда грянула Катастрофа и власти стали переселять жителей пригородных поселков в город, глава общины, некто Аркадьич, сам вышел к людям и предложил тем, кто не хочет покидать родные места, поселиться у них, обещая, что желающим будет предоставлено жилье и возможность работать. Еще Аркадьич сказал, что внутри периметра абсолютно нет радиации, объясняя это единением с природой и божьей волей.

Допущенные внутрь ученые, вооруженные счетчиком Гейгера, с удивлением убедились в правоте странного отшельника. После того, как они, выйдя наружу, рассказали об этом, в общину хлынула толпа. Однако через некоторое время глава общины остановил поток желающих, объяснив, что мест внутри больше нет. Члены его семейства оттеснили оставшихся, ответили категорическим отказом на просьбу ученых изучить удивительный феномен и закрыли тяжелые ворота. Напоследок Аркадьич поставил условие, чтобы к воротам больше никто не подходил, пригрозив последствиями. С тех пор община на контакт не выходила.

– Задача понятна? – спросил подполковник. Его уже тянуло наполнить стакан еще раз. – Выполнять. Погранцов предупредим.

– Да что туда идти? – попытался сопротивляться Егор. – Не могут они там находиться. Они там и пяти минут не продержатся. Нечего их там искать.

– Плахов, на выход, – почти ласково протянул Захарчук.

– Да если они там и были, то их уже доедает кто-нибудь!

– Вот и замечательно. Предоставишь останки – и свободен. Кто их найдет, тому четыре дня отгулов. Если в срок, конечно же.

Дмитрий, поняв, что всякие пререкания бесполезны, начал потихоньку подталкивать Егора к двери.

– Ну, хоть велосипеды выдайте! – прокричал Плахов уже у порога. – Туда ж пилить пехом часа два.

– Лыжи могу выдать. По асфальту самое то. Хочешь?
Прежде чем Егор смог ответить, Дмитрий вытолкнул его из кабинета.

Глава 4. Беглецы

До места добрались только к двум часам дня. Подполковник слово держал и никакого транспорта отряду не выделил. Однако распорядился получить в оружейке четыре пистолета ПМ, переделанных под глушители.

– Шуметь там не надо, – напутствовал их Захарчук. – Хоть там одни мутанты остались, а начнете палить – косточек ваших не найдем. Миссия чисто поисковая. Это, – он показал на пистолеты, – на самый крайний случай. Всем отрядом не лезьте. Толпу засекут быстрее. Максимум три-четыре человека.

– Языка брать? – спросил Дмитрий.

Подполковник скептически посмотрел на Зорина.

– Возьми, Дима.

И отряд выдвинулся к месту назначения. Дойдя до проспекта Ленина, Дмитрий обернулся и посмотрел на монумент, который в стародавние времена назывался «Родина-мать вручает оружие сыну». Тридцатиметровый гранитный монумент изображал женщину в платке, дающую солдату в шинели винтовку. Раньше у подножия памятника горел Вечный огонь. Возложить цветы к огню приезжали все молодожены. После Катастрофы, в связи с экономией энергоресурсов, огонь погасили, но значимости своей монумент не потерял. Сюда все так же приходили по более или менее важным поводам, даже просто посидеть, погрустить, глядя на сильно обмелевшее русло реки Томи.

Вот и сейчас, глядя на символ народной стойкости, Дмитрий мысленно обратился к каменной женщине: «Помоги, Мать. Помоги и сохрани». Остальные члены отряда так же смотрели на памятник, прося удачи в предстоящем деле.

– Ладно, потопали, – скомандовал Зорин.

Легко сказать. Топать пришлось под мелким дождиком, пришедшим, как назло, со стороны Новосибирска, в ОЗК и противогазах. Через пару километров парни начали тихонько материться, а к проспекту Мира уже в полный голос обсуждали, что в интимном плане можно сделать с беглецами, эсбээровцами, всем поселком Свечной, а также всеми их родственниками. Выигрывал пока Кирилл, снайпер отряда. Дмитрий уже минут пятнадцать не участвовал в диспуте, размышляя, как можно реализовать то, что предложил Кирилл, и как это ему самому не пришло в голову.

Вскоре показался сетчатый забор, протянувшийся в обе стороны, насколько хватало глаз. Предполагалось, что вдоль забора постоянно курсировали несколько патрульных, а в штабе, который находился в подвале ближайшей пятиэтажки, в состоянии постоянной боевой готовности сидела группа быстрого реагирования. Попыток прорыва ограждения за прошедшие четырнадцать лет насчитывались единицы, поэтому дежурство «у забора» считалось легким, хотя все были готовы к тому, что если чего случится, то попотеть придется.

Когда отряд Зорина вышел на улицу Смирнова, их уже встречали трое бойцов. В отличие от патрулей, стоящих на мостах, местная охрана всегда экипировалась, как на боевой выход. ОЗК военного образца, противогазы с панорамными стеклами, разгрузка на четыре рожка, мигающая рация на левом плече, пистолет на поясе, нож в ножнах на бедре. По сравнению с прибывшими патрульными они казались сошедшими с экрана героями голливудского боевика.

Один из них подошел ближе.

– Дима? Зорин, ты где? – спросил он.

Дмитрий вышел вперед.

– Здесь я.

– Вас, одинаковых, хрен разберешь. – Боец протянул Диме руку. – Анатолий. Можно Толя. Нам о вас доложили. Идемте за мной.

Развернулся и направился к подъезду ближайшей пятиэтажки. Дмитрий обернулся к своим и махнул рукой, приказывая следовать за встречающим. Лицо за панорамным стеклом противогаза показалось ему знакомым, хотя имени он вспомнить не смог.

Вход в подъезд претерпел значительные изменения. Вместо обычной для томских домов железяки с кодовым замком здесь имела место настоящая гермодверь с вентильным запором и толстенными резиновыми уплотнителями. Казалось, что между створками двери даже лезвие ножа невозможно просунуть. Егор присвистнул, поглаживая плотно пригнанные друг к другу детали.

– Сами делали, – с гордостью в голосе сказал Анатолий. – Никакая зараза не пролезет.

Он потянулся к висевшей на плече рации:

– База.

Через секунду сквозь шипение ответили:

– База слушает.

– Гости прибыли. Входим.

– Понял.

Встречающий повернул вентиль. Послышалось тихое шипение. Створка поддалась с явным трудом.

– Проходите.

Дмитрий пошел первым. С торца дверь оказалась толщиной сантиметров десять.

«Действительно, – подумал Зорин, – даже танком такую не пробьешь. Дом обвалится, а дверь стоять будет».

Внутри подъезд тоже подвергся значительным изменениям. Непосредственно за гермодверью имелись только небольшой предбанник и дверь, ведущая в подвал. Лестничный пролет вверх был наглухо закрыт стальными листами. На двери в подвал висела занавеска из полиэтилена, за которой просматривались металлическая обивка и резиновые уплотнители по краям. Вверху от одной стены к другой по дуге проходили три трубы с просверленными в них отверстиями.

Пулеметчик Витя потянулся к шлангу противогаза. Дмитрий схватил его за руку:

– погоди. Похоже, не время ещё.

Сопровождающий их солдат кивнул. Анатолий опять наклонился к своей рации.

– Мы в камере. Включай.

В трубах зашумело, и на людей полилась теплая, но жутко вонючая жидкость. Запах ощущался даже через фильтр противогаза. Продолжалось это недолго. Послышались глухие щелчки, и сверху под напором ливанула уже нормальная, хоть в этот раз и ледяная вода. После этого на вошедших некоторое время дул ветерок, сдувая с резиновых костюмов капельки воды.

Наконец с шипением открылась вторая дверь, и бойцы ступили на металлическую лестницу, ведущую вниз. Однако и здесь предприимчивые пограничники выжали из помещения по максимуму. Почти на каждой ступеньке стояла обувь, над ней на стене на крючке висели ОЗК и противогазы. Подвальная лестница являлась также и раздевалкой. Здесь их проводник стянул с себя противогаз.

– Снимайте ОЗК. Пойдем поговорим.

Полицейские переглянулись.

– Так это, нам идти надо.

Анатолий скривился.

– Я тя умоляю, Дима. Ты так туда рвешься, будто реакторским должен. Посидите часок, отдохнете. Ничего за это время не случится.

Он уже стянул с себя ОЗК.

– Так если они там, им помощь может быть нужна, – уже с сомнением возразил Дмитрий.

– Если они там, – Анатолий остановился перед третьей, обычной дверью, – то им уже ничего не нужно. Или если они настолько круты, что ещё живы, то часочек еще продержатся. В любом случае спешить некуда. Твои люди вымотались, да и мне надо с тобой инструктаж провести. Не могу же я вам просто так калитку открыть. Ладно, кончай базар. Нечего тут без лишней надобности стоять.

Дмитрий посмотрел на свою группу. Все глядели на него с мольбой в глазах, вытирая пот с измученных лиц.

– Окей, – произнес он, – выдвигаемся через час. Сильно не расслабляться.

Люди одобрительно зашумели, сдвигая с себя осточертевшие за последние несколько часов ОЗК.

– Только начальству – ни-ни, – сказал Зорин Анатолию.

– Само собой, – пожал плечами тот, – жду вас внутри.

Внутри оказался обычный томский подвал. Только если в подвале Дмитрия пахло едой, покоем и уютом, то здесь воняло солдатскими сапогами, табаком и оружейным маслом. Два десятка здоровенных мужиков, находящихся двадцать четыре часа в сутки в замкнутом помещении площадью сто пятьдесят квадратных метров, непрестанно ели, пили, спали и курили. Любая женщина, увидев это, немедленно бы выгнала всех на улицу и схватилась бы за тряпку.

Впрочем, Дмитрий отмел последнюю мысль, когда ему навстречу из-за угла вышла мадам с короткой стрижкой, в защитных штанах и лифчике цвета хаки, с сигаретой в зубах.

– Димон! – заорала она хриплым голосом. – Кого я вижу! Ведь говорила же, надоест тебе этот мост.

Наденька Короткова была единственной представительницей прекрасного пола во всей службе охраны правопорядка. Наотрез отказавшись ковыряться в грядах, кашеварить и заниматься прочей бабской ерундой, она назло отвергавшему ее кандидатуру Захарчуку на «отлично» сдала нормативы, на голову опередив всех остальных. После этого у начальства просто не осталось выбора, пришлось взять ее на службу. Она сама напросилась в отряд пограничников. Захарчук был только рад избавиться от назойливой бабы, отправив ее подальше, с глаз долой. Наденька являлась объектом вожделения всех холостых мужиков службы. Посмотреть, как она подтягивается, отжимается или стреляет, желал каждый.

Зорин знал ее шапочно. Чаще всего он видел ее либо мельком в коридоре отделения, либо на каких-нибудь тренировках или семинарах.

Сейчас Наденька вела себя так, как будто встретила самых лучших и близких друзей. Прижавшись к Дмитрию и обдав его запахом нечищенной пепельницы, она томно прошептала:

– Или ты ко мне пришел? Нет? Жаль. Если что, ты знаешь, где меня найти.

И оставив Зорина в полном смятении, обернулась к остальной группе.

– Мальчики?

И скрылась за углом. Теперь пылал уже весь отряд. Присутствующие на этом спектакле пограничники покатывались от хохота, глядя на толпу смущенных мужиков. Видимо, для них подобное представление было не в новинку.

– Ладно, – вытирая слезы, к ним подошел Толя, – не обижайтесь. Она всегда так. Мы-то уже на ее выходки не реагируем. Пойдем, Дима, поговорим. Парни, устройте мужиков. Еда, питье, все что нужно. Введите пока в курс дела.

Пока остальной отряд рассаживался в помещении, служившем пограничникам таким аналогом кают-компании, Дима и Анатолий проследовали в глубь подвала.

– Пойдем, расскажу тебе, что там и как. А то вы же не знаете, что творится за забором.

– А вы откуда знаете? – спросил Зорин.

Его спутник даже остановился.

– В смысле – откуда?

– Но вы же только забор охраняете? Или нет?

– А, ты об этом. – Анатолий пошел дальше. – Ну, официально – забор, конечно.

– А неофициально?

Толя помялся.

– Ну, сам подумай, как можно выяснить, что нам угрожает, если ничего не знать о враге? Вот мы иногда и проходим на их территорию. Сначала недалеко ходили, потом подальше стали. Естественно, только самые подготовленные. Так что у нас практически карта Свечного есть – со всеми опасными зонами, границами сфер влияния, областями кормёжки мутировавших особей. Не один год собирали.

– Как же вы по шее за такое не получили?

Димин собеседник пожал плечами.

– А кто знает? Только свои. Ну, теперь и ты. Но мы договорились: я про тебя никому, а ты – про меня.

– Да без проблем.

Они подошли к закрытой двери с надписью «Командир». Анатолий достал из кармана ключ и стал отпирать. Обстановка маленькой комнаты напоминала кабинет Захарчука – тоже стол, кресло, сейф и продавленный диванчик у стены. Только все намного скромнее.

Димин спутник указал рукой на диван, а сам плюхнулся в кресло.

– Самогон предлагать не буду, серьезное дело предстоит.

– И правильно, – согласился Зорин. – А ты, значит, здесь босс.

Толя покачал головой.

– Не, просто его заместитель.

– А где начальник?

– Кто ж его знает, – пожал плечами Анатолий. – Тут где-то.

Видя непонимающий взгляд Дмитрия, он вздохнул.

– Ну, как тебе объяснить. Наш командир – человек пожилой, уставший. Когда он увидел, что тут да как, он первым делом соорудил себе самогонный аппарат. Ну, и с тех пор от него не отходит. Вернее, отходит, но только с продукцией.

Зорин щёлкнул себя пальцем по горлу.

– Любитель?

– Обижаешь! Профессионал!

– И как же вы тут живёте с таким начальником?

Его собеседник снова вздохнул.

– Слышал такое выражение: «Хорошо налаженное дело в руководстве не нуждается»? Это про нас. Оборону держим, в патрули ходим, отчёты пишем. Коллектив у нас постоянный. Работа работает, и никто к нам не лезет.

– Все равно, – возразил Дима, – не дело с таким командиром.

– Ой, да ладно, – махнул рукой Толя, – сейчас у нас не жизнь, а малина. И Томск мозги не сушит, и мутанты не лезут. А заложу нашего алкаша, пришлют другого, не дай бог непьющего – и амба. Будем по утрам зарядку делать и на завтрак строим ходить. Не, нам такое не надо.

Дмитрий только восхищённо покачал головой. Скрывать такое Гуляй Поле прямо внутри структуры охраны правопорядка – это надо уметь. То-то в погранцы не брали никого, вечно ссылаясь на укомплектованность отряда. А тут вон оно что. Неужели Захарчук ничего не знает?

– Я же могу на тебя рассчитывать? – с намеком спросил Анатолий.

Зорин махнул рукой. Действительно, не его это дело. Служба идёт, граница на замке, а какими способами это достигнуто – кому какая разница.

– Ладно, – его собеседник навалился на стол, – поговорим о деле. Обшарить территорию необходимо до темноты. Мутанты совсем одичали, что, с одной стороны, плохо, с другой – хорошо. Плохо потому, что кидаются на все подряд, что шевелится. Хорошо потому, что предсказуемые и тупые. Там еще, конечно, кое-что есть – община. Забор высоченный, метра

четыре, соорудили и живут там. Именно живут! И дымок виднеется, как из трубы. И звуки всякие из-за забора доносятся. А кто там, что там – ничего не известно. Впрочем, когда забор ставили, случай был. Решил один солдатик пойти посмотреть, что у них в общине творится. Долго его уговаривали не делать этого. Не уговорили. Ушел.

Через сутки стали его искать. Снарядили целую спасательную экспедицию. Ходили по лесу, пока на стаю мутантов не нарвались. Еле ноги унесли. Вернулись и решили, что сожрали нашего солдатика. А через неделю он объявился. Один поселенец его лично на руках принес, живого, только без сознания и с переломанными руками и ногами. Сказал, что животные его подрали, а они в общине его, как могли, выходили.

Помнится, долго он тогда выздоравливал. А поселенец тогда с таким намеком сказал, что, мол, в следующий раз может не успеть. Мы поняли.

– Но все равно ходите?

– Ходим. Но очень аккуратно.

– А «реактивные»?

– Ну, этих мутанты боятся. Они хоть и тупые, но инстинкт самосохранения у них есть. Попытались как-то они на колонну напасть, получили очередь из пулемета, больше теперь не лезут. У них дорога – как запретная зона. По ней можно ходить сколько угодно. А вот только с асфальта сойдёшь – тут уж извини. Всякое может случиться.

Анатолий побарабанил пальцами по столу.

– Теперь что касается вашей затеи. Зря вы это, честно вам скажу. Если те, кого вы ищете, туда сунулись, то, скорее всего, их уже кто-то переваривает. Однако я в курсе, каким раком вас, то есть нас, поставили. Значит, надо выполнять. Чем вас обеспечили?

– Четыре пэма с глушителями.

Димин собеседник кивнул.

– С глушителями – это хорошо. Тишина – друг молодежи.

– Темнота, – поправил его Зорин.

– Не, нам до темноты управиться надо. Так что в нашем случае – только тишина. Посему идём вчетвером.

– Ты чего, с нами собрался? – удивлённо спросил Дмитрий.

– Естественно. Вы там сами пяти минут не продержитесь. Залезете на чью-нибудь охотничью тропу – и все. Унюхают – уже не отстанут. Значит, идём ты, я, один твой, один мой.

– И наши пэмы?

– Ага.

– А у вас что, тихого оружия нет?

Анатолий несколько секунд, улыбаясь, смотрел Зорину прямо в глаза.

– Есть, – протянул он.

Дмитрий понял, что дискуссия по поводу вооружения закончена. И Анатолий понял, что Дмитрий понял.

– Теперь посмотрим, где эти гаврики могут прятаться. – Он развернул на столе большую потрепанную карту, исчерченную разноцветными линиями.

Оба поднялись с места и склонились над ней.

– Где они пересекли проволоку, известно?

Зорин покачал головой.

– Замечательно. Будем гадать на кофейной гуще.

Анатолий стал водить пальцем по карте:

– Если здесь? Нет, тут бы они не прошли. А здесь? Возможно, но тут болото. А тут? Тут возможно. Так, а здесь где они могут прятаться? Тут Тяпа охотится. Здесь Хмырь живет, чужака на раз учует. А вот тут никого нет. Если добрались, то здесь могут пересидеть. Ещё здесь и здесь. В других местах они попросту не проберутся. Вот как-то так.

Толя с довольным видом хлопнул ладонью по столу.

– А с этим Аркадьичем поговорить нельзя? – спросил Дмитрий. – Вдруг он поможет?

Его собеседник поморщился.

– Не хотелось бы. Видишь ли, с ним встретиться – целая проблема. Не хочет он с нами общаться. А уж если мы ему расскажем, что на его территории целых три человека где-то засели...

– Разозлится?

– Ну, и это тоже. Да и кто знает, что у них там в головах творится. Услышат, что на их территории три чужака засели, сами за поиски возьмутся, нам кислород перекроют. Лучше потихому.

Дверь с грохотом распахнулась, и в комнату буквально ввалился старик лет семидесяти на вид. В руке он держал почти полную пластиковую бутылку. Разило от старика, словно он несколько часов вымачивался в ванне с самогоном. Пробежав по инерции пару шагов, он уткнулся в стол. С трудом подняв глаза, он несколько секунд всматривался в сидящего перед ним Анатолия.

– Здорово, Степаныч, – прервал молчание тот.

Степаныч пожевал губами.

– А-а-а! Толя! – узнал наконец он.

– Ага, Степаныч, я самый. А ты никак спать пришел?

С мыслями тот собирался долго. Потом кивнул:

– Спать.

– Начальник? – спросил Зорин.

Степаныч резко обернулся, чуть не свалившись на пол. Видимо, он только сейчас понял, что в комнате есть кто-то ещё.

– Кто это?! – вскричал он, схватившись за пустую кобуру на поясе. Дмитрий подозревал, что пистолета там не было уже очень давно.

– Свои, Степаныч, свои. – Анатолий даже не попытался схватить начальника за руку. – Ладно, мы пойдем, а ты спи давай.

И начал показывать Диме, чтоб тот двигался к двери. Уже идя по коридору, они слышали:

– Не, погоди, Толя, кто это?!

– Не парься, – махнул рукой Анатолий. – Через десять минут забудет.

Когда они зашли в помещение, служившее столовой, пир там шел полным ходом. Дымилась подогретая тушёнка, блестела под светом ламп стуженка, пахло свежесваренным чаем. Все присутствующие слушали одного человека:

– Вот я и говорю. Теща моя – чистой воды экстрасенс. Не успевал я домой зайти, она уже знала, что я принес и в каком кармане это лежит. Даже марку и объем умудрялась угадать. И что интересно – собралась она как-то помирать. Ну, думаю, такой повод. Сбегал заранее, принес домой. И чтоб не нашли, в грелку в ванной вылил и подальше на полку положил. Милиция с собакой не отыщет! Ну, собрались мы у постели почти преставившейся, провожаем. А она пальчиком дочь свою, жену мою, поманила и давай ей что-то на ухо шептать. У меня аж сердце ёкнуло – неужто про сокровища свои спрятанные рассказывает? Не, ну а о чем ещё говорят, когда до смертинки – две пердинки. Дошептала и Богу душу отдала. А Зинка моя слезинки утерла, на меня посмотрела недобро так и из комнаты вышла. Что-то на сердце беспокойно стало, я – за ней. Смотрю, она мою грелку в раковину выливает. Это теща, значит, перед смертью не о душе думала. Не о том, как перед Богом предстанет и что ему расскажет. А о том, как меня Зинке заложить! Это ж каким человеком надобно быть! И как она вообще узнала?! А ты говоришь – экстрасенсы.

В столовой повисла тишина.

– Это ты щас к чему рассказал? – спросил один пограничник.

Рассказчик пожал плечами.

– Да так. Теща сегодня приснилась, вот и вспомнилось.

Анатолий вошёл в помещение и нарочито громко кашлянул. Все обернулись.

– Так, – начал он, – надеюсь, все отдохнули? Хорошо. Предстоит одно дельце. Кто сегодня и завтра не в наряде?

Вверх поднялось несколько рук.

– Ага. – Анатолий задумчиво чего-то прикидывал. – Пойдешь ты, Леха.

Названный Леха молча поднялся и пошел к выходу.

– Маруську свою не забудь.

Леха, не оборачиваясь, кивнул и вышел.

– Остальные – по расписанию.

– Маруську? – спросил Дмитрий.

– Ага, – ответил Толя, – Леха у нас снайпер. Он винтовку свою Маруськой назвал.

– В честь девушки?

Толя пожал плечами.

– Не знаю. О таких вещах не спрашивают.

Зорин поискал глазами Егора. Тот сидел за столиком в окружении троих местных, в руках все держали игральные карты. Видимо, резались в покер.

– Егор, – позвал Дима, – подойди сюда.

Тот не без сожаления положил карты на стол.

– Пойдем-ка.

Они вышли из переполненного помещения.

– Чего наметилось?

– Ищем вчетвером. Двое ихних.

Плахов удивлённо поднял брови.

– Про ихних разговора не было.

– Не было, – согласился Дмитрий, – но без них соваться туда, думаю, не надо. Толя мне рассказал, что они туда время от времени наведываются, ходы всякие знают, повадки местных. С ними спокойнее.

– А ты им доверяешь? – спросил Егор.

– А что они могут против нас задумать? Чай, не за миллионом идем, чтоб его потом у нас отбирать.

– Ну, так-то да. Кто в группу входит?

– Ты, я да ихних двое. Анатолий и снайпер местный. Леха, по-моему.

– Леха, мне без тебя так плохо, – пропел Егор. – Когда выходим?

Зорин посмотрел на часы.

– Думаю, минут через тридцать, позже уже смысла нет.

– Ага, через час уже надо будет идти дрова заготавливать, да свечи доставать, потому что ляктричества с отоплением нам не видать, – пошутил Плахов.

– Может, другие группы чего найдут, – предположил Дима.

– Ох, не думаю, – покачал головой Егор, – чует мое сердце, нам это дерьмо разгребать.

С новыми напарниками они встретились ровно через тридцать минут у шлюза, как про себя Дмитрий назвал переделанную подвальную лестницу. Оба пограничника были одеты, как и при встрече гостей. На спине Анатолия висел «Кедр», Леха держал в руках СВД с глушителем. На правом бедре у каждого висел нож. Раций ни у кого не было. Толя протянул руку.

– Давай, что там у вас.

Плахов с удивлением взглянул на Зорина. Тот, вздохнув, полез в рюкзак и достал четыре ПМ. Два из них отдал погранцам. Затем вынул глушители.

– А чего, – спросил Егор, – из своего оружия сегодня не стреляется?

– Из своего ещё успеем пострелять, – ухмыльнулся Анатолий, настраивая глушитель, – сегодня вы угощаете.

– Что-то я не помню, что кого-то угощать собирался, – буркнул Плахов, но возражать больше не стал.

– Даст Бог, оно и не понадобится, – подвёл черту Дмитрий.

Когда отряд вышел из подъезда, солнце размытым диском уже клонилось к крышам домов. Дима тревожно посмотрел на небо.

– Успеем? – спросил он у Анатолия.

– Должны, – ответил тот. – Там мест, которые надо осмотреть повнимательнее, – раз-два и обчелся. Точнее, шесть. Остальные хибары осмотрим походя.

Он развернул карту.

– Первые два объекта – котельная и особнячок. Сам особняк разрушен, но в нем есть уютный подвальчик, сам там прятался. Далее идем в частный сектор. В развалины не заходим, ищем признаки присутствия людей. Все что угодно – следы, кровь, обрывки одежды. Вы смотрите, мы вас прикрываем. Потом выходим обратно на асфальт и идем до психушки. Там можно задержаться подольше. Если не успеем вернуться – заночуем. Здание древнее, двери крепкие, никто не проникнет.

– А психов там не осталось? – с опаской спросил Егор. – А то, может, забыли кого?

Их проводник ухмыльнулся.

– Не бойсь. Мы каждое отделение проверили. Всех эвакуировали ещё лет девятнадцать назад. Гуманизм!

Они подошли к воротам. Анатолий махнул рукой стоящей там охране. Послышался металлический лязг, и в заборе открылась маленькая калитка, как раз для одного человека. Дмитрий показал пальцем на ворота.

– А я думал, мы туда.

Пограничник хохотнул:

– Ну, вот ещё. Из-за вас двоих эту машину двигать? Обойдетесь.

Они прошли внутрь. Сзади захлопнулась калитка. Дмитрию сразу показалось, что стало очень тихо. Словно забор, состоящий из обычной колючей проволоки, отсекал все звуки, идущие со стороны города. Впрочем, скорее это разыгралось его воображение.

Перед бойцами предстала картина полного запустения. Асфальтовая дорога, уходившая вдаль, за горизонт, вдоль и поперек была исчерчена глубокими трещинами, сквозь которые пробивалась трава. Местами асфальт вздыбился, образуя огромные бугры. По обеим сторонам дороги простирались настоящие джунгли. Растения, многие из которых Дмитрий не смог определить, получив полную свободу, целиком заполнили окружающее пространство. Стволы, ветки и что-то похожее на лианы образовывали настоящую стену, сквозь которую, как Зорину казалось, невозможно было пройти. Сквозь редкие просветы виднелись полуразрушенные стены и крыши домов.

– И последнее, – почему-то тихо сказал их проводник. – С этого момента слушаться меня без вопросов. Выполнять мгновенно, без раздумий. Скажу падать – подайте. Скажу замереть – замрите в той же позе, в какой были. От этого зависят ваши, а главное – наши жизни. Понятно? Огнестрельное оружие – только для крайнего случая. Начнёте палить во все стороны – привлечете внимание, которое нам совсем не нужно. Теперь направо. Не бойтесь, это только у дороги так густо растёт. Метров через десять посвободнее будет.

Он сошел с асфальта и, пригнувшись, направился в сторону строений, осторожно отодвигая ветки. Леха остался на месте.

Егор взял пистолет наизготовку.

– Жути-то нагнал, – буркнул он и выдвинулся вслед за Анатолием, а за другом – Дима. Замыкающим пошел Леха.

Как и обещал Толя, через несколько метров непролазной чащи перед бойцами открылась настоящая, правда, порядком заросшая улица. По бокам некогда гравийной дороги тянулись разрушенные, а порой и вообще сгнившие до фундамента одноэтажные домики. Стволы деревьев, растущие из каждого уцелевшего дверного или оконного проема, тянулись вверх, сплетаясь и образуя в вышине зелёную крышу, сквозь которую все же пробивались лучики света. Дмитрий почему-то вспомнил старинный фильм «Хищник». Там перекачанный супергерой в таких же джунглях в одиночку сражался с уродливым инопланетянином.

«Сейчас бы этого качка сюда, – подумал Зорин. – Как бы он здесь справился?»

Их проводник остановился и поднял вверх кулак. Все присели, оглядываясь по сторонам. Анатолий показал пальцем на Егора и ткнул в разрушенную избушку справа. Дмитрию досталась соседняя развалюха. Лехе и себе Анатолий тоже выбрал по объекту. Группа рассредоточилась.

В домике, который достался Дмитрию, никого не было. Часть единственной уцелевшей стены торчала из заросшего фундамента, словно гнилой зуб. Заглянув в пролом в стене, Зорин увидел лишь провалившийся пол, а под ним яму, заполненную коричневой жижей. Рядом с ямой валялись лохмотья, в которых с трудом угадывался плюшевый мишка.

Видимо, то же самое было и у остальных.

Пригнувшись, они двинулись вдоль улицы. Запустение и разруха, открывающиеся взгляду, вызывали тягостные чувства. Если в городе хоть как-то убирались улицы, облагораживались придомовые территории, то здесь все было отдано природе и стихии. То, что не разрушили ветер и кислотные дожди, уничтожалось буйно разросшимися растениями. Земля словно мстила человеку за века боли и страдания. Лианы оплетали стены домов, выдавливая местами уцелевшие двери и оконные рамы. Толстые стволы пронизывали крыши, раскалывали стены до самого фундамента. То, что видели перед собой люди, наглядно демонстрировало, во что превратится Земля после исчезновения человечества. А что это рано или поздно произойдет, Дмитрий почему-то не сомневался.

Осмотр других строений тоже ничего не дал. Периодически встречались следы пребывания людей, но они были настолько старыми, что к нынешним поискам не имели никакого отношения. Где-то стояла мебель, роскошная и не очень. Где-то лежали чьи-то кости, выбеленные ветром. В одном доме Дмитрий нашел целый плазменный телевизор с большой диагональю, крайне дорогой для 2013 года. И многое, многое другое, словно кричавшее проходившим мимо людям – посмотрите на нас, вспомните о нас. Но тех, кого они искали, не было видно.

Группа уже почти дошла до упомянутой проводником котельной, когда они услышали рычание и звуки борьбы. Судя по грохоту и визгу, битва шла нешуточная. Звуки раздавались за поворотом, куда бойцы вообще не собирались идти. Однако теперь они должны были проверить источник шума.

Анатолий поднял вверх кулак, призывая ко вниманию. Потом показал себе на глаза и два раза ткнул указательным пальцем в сторону, откуда доносилось рычание. Бойцы, пригнувшись, заскользили вперёд.

Картина, открывшаяся им, впечатляла. В небольшом дворике перед одноэтажной развалюхой бились два мутанта. И бились, судя по всему, насмерть. Однако с первого взгляда становилось понятно, что силы не равны. Один, хоть и не отличался большим ростом, обладал огромной мышечной массой. Длинные, оплетенные жгутами мускулов лапы заканчивались острыми когтями. Когда чудовище издавало гортанный крик, в его пасти виднелись внушительные жёлтые клыки. Во всем его облике угадывались черты гориллы. Дмитрий вспомнил, что в городе, близ реактора, находился некогда весьма неплохой зоопарк. Страшно было подумать, во что превратились остальные питомцы этого зоопарка и где они сейчас.

Своими длинными мускулистыми руками чудовище швыряло по двору второго мутанта. Тот ничего не мог противопоставить своему противнику. Тщедушное тельце и полное отсут-

ствие чего-либо, похожего на когти или клыки, делало его практически беззащитным. Все, что он мог – это ползти по земле и отпихивать тянущиеся к нему лапы. Морда его больше напоминала человеческое лицо. Однако отсутствие носа и длинные висячие уши портили всю картину. Иногда существо испускало громкий визг, словно зовя кого-то на помощь. Ещё Дмитрий заметил, что на тощем теле есть одежда, точнее, рваные штаны.

В этот момент большой монстр схватил противника за ногу и со всей силы швырнул о бревенчатую стену. Гнилое дерево проломилось, и бревна раскатились по двору, придавив человекообразное существо. Чудовище, издав победный рык, шагнуло к поверженному противнику. Исход битвы был предreshён.

Тут маленький мутант поднял голову и, словно повинуюсь какому-то чутью, посмотрел на прячущихся за углом людей. Зорин вздрогнул. Глаза на уродливом лице были вполне человеческими, мало того, в них светился разум. И сейчас в этих глазах отражалось столько боли и отчаяния, что становилось не по себе.

– Блин, – прошептал Дмитрий, – это же ребенок!

Он поднял пистолет и прицелился в надвигающегося монстра.

– Дима, не надо, – зашипел Анатолий, – ты же раскроешь нас.

Чудовище уже приблизилось к жертве вплотную и подняло кулаки, чтобы нанести решающий удар.

– Зорин, не смей! Я тебе запрещаю!

Пистолет тихонько плюнул, и монстр, так и не поняв, что с ним произошло, стал заваливаться набок. Маленький мутант лежал на брёвнах, не шевелясь. То ли он от полученных травм потерял сознание, то ли просто силы его оставили. Дмитрий поднялся и медленно пошел к нему.

– Зорин, твою мать, ты куда?

Разработанный Анатолием план рушился на глазах.

– Ему надо помочь.

– Тьфу ты, – если бы не противогаз, их проводник плюнул бы по-настоящему, – всем оставаться на месте. Прикрываем этого идиота.

Дмитрий, мысленно пообещав себе насчёт «идиота» разобраться с Толей позже, подошёл к мутанту. Тот лежал лицом вниз на бревне. Сверху его придавливало другое бревно, треснувшее из-за падения пополам. Когда Зорин попытался поднять его, древесина рассыпалась в труху. Если бы не это, то малыша раздавило бы в лепешку. Дмитрий перевернул его на спину. От этого движения мутант пришел в себя и открыл глаза. Он испуганно дёрнулся, увидев перед собой резиновую маску противогаза.

– Тихо, тихо, – попытался успокоить его Зорин, – уже все кончилось.

Видимо, малыш все же понимал человеческую речь. Он покосился на мертвое тело и облегчённо закрыл глаза. Затем, прикоснувшись к плечу своего спасителя, поднял обе руки и сцепил их в рукопожатии. Судя по всему, это означало благодарность.

– Ты как, нормально?

Мутант кивнул.

– Говорить можешь?

Тот открыл рот и издал горловой рык. Говорить в человеческом понимании он не мог. Тут же малыш сделал руками несколько жестов, в которых Зорин с удивлением узнал язык глухонемых. Это существо явно кто-то обучал.

Дмитрий жестом подозвал остальную группу. Увидев вышедших из-за кустов людей, мутант дернулся и попытался отползти.

– Спокойно, это свои.

Малыш недоверчиво глянул на своего спасителя, но остановился.

– Ты глянь, – сказал подошедший Анатолий, – взяли все же языка.

Он внимательно рассмотрел мутанта.

– Ну, чистый Голлум из «Властелина колец». Читал?

Дмитрию не понравились интонации, с которыми тот произнес эти слова. Холод и равнодушие, перемешанное с отвращением. Их проводник, не задумываясь, перерезал бы спасенному глотку и пошел дальше. Дима решил взять это на заметку.

– Ты здесь живёшь?

Кивок.

– Где конкретно? – резко спросил Анатолий. – Кто ещё с тобой?

Мутант с опаской посмотрел на пограничника и отвечать не стал.

– Я тебе щас язычок-то развяжу, – разозлился Толя и потянулся к ножу.

Зорин резко встал, закрывая собой существо.

– Успокойся. Мы здесь не для этого.

– Кто бы говорил! – прошипел проводник, но нож опустил. Убедившись, что тот поостыл, Дмитрий вернулся к допросу.

– Послушай, – примирительно сказал он, – я тебе задам один вопрос. Ответишь – и можешь идти куда хочешь. Лады?

Мутант, немного подумав, кивнул.

– Хорошо. Ты тут других людей не видел? Старик и две девочки.

– Они в ОЗК, – подал голос Анатолий, – как он разберет, мальчик там или девочка? Он вообще знает, что такое девочка?

Но мутант кивнул. Егор сзади облегчённо вздохнул. Значит, есть шанс управиться до темноты и остаться при электричестве.

– Отведешь к ним?

Спасенный покачал головой.

– Я тебе щас дам «нет»! – опять вскипел Толя. – Ты у меня ползком поползешь дорогу показывать!

– Успокойся!

Их проводник замер. Его лидерство в группе подвергалось сомнению. Однако разводить свару на глазах у младших по званию ему не хотелось.

– Ну, сука, – прошептал он, приблизившись к Зорину вплотную, – я тебе это припомню. И отошёл.

Дмитрий повернулся к мутанту, наблюдавшему за ссорой двух солдат с опаской.

– Покажешь, где они?

Тот вытянул руку и махнул куда-то вдаль. Дмитрий посмотрел в указанном направлении. Там, между деревьями, виднелась выцветшая крыша высокого трёхэтажного коттеджа. Бывший хозяин, по-видимому, в свое время на материалы денег не пожалел, и строение до сих пор стояло целехоньким, за исключением нескольких выбитых окон.

– В том большом доме? – уточнил Зорин.

Спасенный кивнул.

– Хорошо, – сказал Дима, – можешь идти. Спасибо за все.

Мутант ещё раз сцепил руки в рукопожатии и, прихрамывая, исчез в кустах.

– Надо запомнить, куда он пошел, – процедил Анатолий, глядя на Дмитрия. И он, и Дима прекрасно понимали, что после того, как операция окончится и полицейские вернутся домой, Зорин уже ничего не сможет сделать для маленького мутанта.

– Ну что? Пойдем? – спросил он у Анатолия. Тот сделал широкий приглашающий жест, словно передавая все полномочия Дмитрию.

– Ты – босс.

Зорин пошел вперёд. Сразу зачесались затылок и спина. Он краем глаза взглянул назад. Анатолий и Леха шли теперь посередине, сразу за Димой, а замыкал колонну Плахов. Однако

Зорин прекрасно понимал – случись что, ни он, ни Егор не смогут ничего сделать. Это территория пограничников. Прикопают здесь же, и никто ничего не узнает. Напали, мол, мутанты, сами еле отбились. Плачущая Лена. Хмурый Захарчук. Сто грамм на помин души. Доска на дверях РОВД.

Дмитрий с трудом отогнал от себя зрелище собственных торжественных похорон.

– Давай-ка ты вперёд иди, – сказал он Анатолию.

Тот усмехнулся, покачав головой, но возглавил отряд.

– Играет все-таки очко? – спросил он, проходя мимо.

К коттеджу они подошли без эксцессов. Здесь были видны свежие и не очень умело затертые следы. Зорин подергал ручку двери. Та оказалась заперта. Сама ручка на фоне грязной двери сверкала, как после уборки. Кто-то ею пользовался, и совсем недавно. Рядом с запертой дверью зияло выбитое окно. Дмитрий кивнул Егору, приказывая следовать за собой.

– Вы – здесь, – негромко сказал он пограницам.

Анатолий равнодушно пожал плечами, всем своим видом показывая, что вообще не собирается ни во что вмешиваться. Леха, как обычно, промолчал.

Дима с Егором влезли через разбитое окно. Соскочив на пыльный, заваленный мелким мусором пол, они замерли, прислушиваясь к происходящему в доме, однако кроме шума ветра, гуляющего по помещениям, ничего не было слышно.

Плахов толкнул Зорина локтем и показал на входную дверь. Несколько секунд Дмитрий не понимал, на что именно показывает ему Егор. Потом до него дошло – большой металлический засов, вычурно сделанный под старину, был закрыт. А закрыть его можно было, только находясь внутри. Дима опустил глаза. На пыльном полу перед дверью четко виднелись следы ботинок. Бинго! – как говаривали в давние времена. С конспирацией у беглецов действительно были серьезные проблемы. Цепочка следов тянулась от прихожей до лестницы вверх. Там следы раздваивались – одни вели дальше по первому этажу в большую прихожую, а другие – вверх по лестнице. То ли беглецы разделились, прячась от нагрянувших преследователей, то ли наделили, когда обследовали дом. Зорин хотел было позвать одного пограница с улицы, но, подумав, отказался от этой затеи. Доверять им теперь он не мог, а контролировать их внутри помещения не очень-то и хотелось. Дмитрий надеялся, что информация о беглецах была верна. И если так, то уж с одним стариком и двумя малолетними девчонками они с Егором вдвоем справятся. Ещё очень не хватало плана здания. Зорин не мог гарантировать, что пока они обыскивают помещение, их цели не драпают по каком-нибудь подземному коридору прочь.

Он жестом приказал Егору оставаться на месте и контролировать выход, а сам пошел вперёд. Красться бесшумно не получалось. То и дело под ногой скрипел рассохшийся пол, хрустел мусор и звенели осколки стекла. Он остановился у входа в гостиную и осторожно заглянул в дверной проем.

Создавалось впечатление, что бывший хозяин коттеджа либо не успел сюда въехать, либо при эвакуации забрал с собой все, что было в доме. Помещение оказалось абсолютно пустым. На полу виднелось множество следов, беспорядочно разбегавшихся во все стороны. Дмитрий прокрался к следующей двери. За ней когда-то находилась или должна была находиться кухня. У стены стояла простенькая газовая плита, в углу возвышался массивный древний шкаф, один из тех, что в середине пятидесятых годов считались роскошью, а в восьмидесятые перекочевали в приусадебные домики многочисленных в то время «мичуринцев».

Цепочка следов вела к этому шкафу.

Зорин помахал Плахову, давая понять, что что-то обнаружил, и, подняв ствол пистолета, пошел к шкафу. Остановившись перед дверцами, он постучал по ним и тихо приказал:

– Выходите с поднятыми руками.

Внезапно дверцы резко распахнулись, больно ударив Дмитрия по пальцам. Пистолет, выпавший из руки, откатился к стене. Из шкафа выскочил человек, одетый в ОЗК и простень-

кий противогаз с гофрированным шлангом, и навалился на Зорина. От неожиданности полицейский упал на спину. Нападающий был небольшого роста и явно легче Дмитрия, но страх и отчаяние придали худым рукам силы. Мертвой хваткой вцепившись в Диму, он прижал его к полу и закричал:

– Катенька, Юленька, бегите!

Дрожащий голос выдавал в нем старика.

В прихожей уже раздавался шум борьбы, детский визг и сдавленная ругань Егора. Зорин барахтался на грязном полу, пытаясь спихнуть с себя старика, который мало того, что всем весом давил ему на горло, ещё и пытался достать коленом в пах. Наконец полицейский извернулся, заломив старику руку за спину, прижал его к полу. Несмотря на боль, тот свободной рукой содрал с лица противогаз и закричал еще громче:

– Бегите!

С улицы раздался еще один детский крик. Видимо, в дело вступили оставленные там пограничники. Старик обмяк в руках Дмитрия и заплакал. Тот несколько опешил от происходящего. Не походили задержанные им люди на опасных преступников, ради которых подняли в ружье все силы города.

– Егор, ты как? – крикнул он.

– Нормально, одна у меня.

– А вторая?

– На улицу выбежала. Ее, похоже, погранцы приняли.

Дмитрий поднял старика с пола.

– Ладно, дед, пойдем.

Тот продолжал плакать, шепотом повторяя:

– Фашисты, сволочи, детей-то отпустите. Фашисты, сволочи...

Зорин вывел своего пленника в прихожую. Там его ожидал Плахов, сжимая руку другого задержанного, небольшого роста, худощавого, одетого так же, как и старик. Беглец всхлипывал тоненьким голоском и дрожал так, что было видно даже через ОЗК.

– Юленька!

Старик вырвался и, упав на колени, обнял девочку. Оказавшись в его объятиях, она зарыдала в голос. Старик начал гладить ее по голове, шепча:

– Все будет хорошо, Юленька. Ничего не бойся. Мы вместе, не бойся.

В голове Дмитрия творился полный сумбур. Что происходит?

Кивнув Егору, который так же стоял столбом, он разнял обнимающихся.

– Хватит. Пойдемте.

Они вышли на улицу. Вторая девочка трепыхалась в руках Анатолия. Увидев старика, она закричала:

– Деда!

– Катенька, ничего не бойся!

Пленник опять вырвался из несильного захвата Дмитрия. Сорвав с головы противогаз, он, молитвенно прижав руки к груди, затараторил:

– Товарищи. Люди. Пожалуйста, отпустите. Мы же ничего не сделали. Вы же не с реактора, я вижу. Вам-то это зачем? Отпустите. Мы уйдем. Мы ничего не знаем, ничего никому не расскажем. Это же всего лишь дети.

Он упал на колени.

– Пожалуйста!

Зорин поймал себя на мысли, что действительно подумывает отпустить странных задержанных. Сзади подошел Плахов.

– Не надо, – прошептал он Дмитрию на ухо, – подумай о Лене, о ребенке.

Видимо, его намерения легко угадывались, даже несмотря на защитный костюм. Невроятным усилием Зорин задавил в себе человеческие чувства.

– Хватит. – Он рывком поднял с земли старика. – Надо идти.

Он не отходил от пленника не из-за того, что опасался побега. Дмитрий очень боялся, что кто-нибудь перехватит деда у него, и придется ему конвоировать одну из плачущих девочек. Этого он бы не выдержал.

Все, что происходило, было неправильно.

Зорин подтолкнул старика в сторону трассы. За ними пошли все остальные. Дорога назад заняла меньше времени. Дети плакали, старик, не переставая, умолял их отпустить, бойцы молчали.

Дмитрий издалека заметил стоящие на асфальтовой дороге «Хаммеры». Солдаты в черном выстроились около машин, держа автоматы в руках. Особняком стоял один, одетый в такую же черную одежду, но без оружия. Дмитрий мысленно отметил этого человека, как офицера.

– А эти как здесь оказались? – удивленно спросил Егор.

Зорин обернулся к идущим позади пограничникам.

– Да предупредил, видимо, кто-то.

Погранцы промолчали.

Полицейские вышли на асфальтовую дорогу. Навстречу им шагнул тот, кого Дмитрий посчитал офицером.

– Чо-то вы рано, – не скрывая неприязни, сказал Зорин. – Мы вас еще не звали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.